

Х. ХАСБУЛАТОВ

САИД
ГАБИЕВ

Х. ХАСБУЛАТОВ

САИД ГАБИЕВ

Дагестанское
книжное издательство
Махачкала 1972

3 КП1 (092)
X 24

1—2-2

72

ПРЕДИСЛОВИЕ

Сайд Ибрагимович Габиев — замечательный сын Дагестана, видный общественный и государственный деятель, посвятивший свою жизнь борьбе за победу Советской власти, осуществление социалистического строительства.

Жизнь и деятельность С. И. Габиева протекали в первой половине XX века, первая четверть которого ознаменовалась историческими событиями, имевшими огромное значение в жизни всех народов мира.

О Габиеве написано несколько статей и очерков, освещающих ту или иную сторону его творческой и революционной деятельности. Автор широко пользовался исследованиями М. Абдуллаева, Дж. Ахмедова, М. Бутаева, Э. Кассиева¹ и др. Большую помощь оказали автору также работы Г. А. Аликберова, А. Г. Гаджиева, Н. В. Капиевой, Л. И. Климовича, Б. О. Кашкаева, Г. Б. Муркелинского и др. В этих работах в той или иной степени освещаются эτικο-эсте-

¹ См. М. Абдуллаев. Мыслители народов Дагестана XIX и начала XX вв., Махачкала, 1963; Дж. Ахмедов. Периодическая печать Дагестана, Махачкала, 1963; М. Б у т а е в. Зеркало времени, Махачкала, 1964; Э. К а с с и е в. Очерки лакской дореволюционной литературы, Махачкала, 1959,

тические, социально-политические взгляды Габиева, определенный этап в его творческой и революционной деятельности.

Однако его мировоззрение, эволюция взглядов, вся творческая и революционная деятельность все еще не были предметом специального исследования.

Поэтому перед нами стояла задача более или менее подробно изложить мировоззрение Габиева. Работая над книгой, автор собрал большой фактический материал, широко привлек архивные документы, использовал воспоминания друзей, товарищей и родственников.

Следует подчеркнуть, что мировоззрение Габиева является противоречивым, сложным. В одной и той же его статье можно встретить взаимоисключающие друг друга положения, непоследовательность. Мы старались показать его личность и дать анализ мировоззрения Габиева со всеми характерными положительными и отрицательными сторонами его деятельности, без преувеличения той или другой стороны. При этом мы исходили из конкретных исторических условий, учитывали не только его опубликованные труды (особенно это касается дооктябрьского периода), но объективную роль тех идей и концепций, которые он в них отстаивал, а также его революционную деятельность.

Автор не считает свою работу исчерпывающей, свободной от недостатков и упущений; критические замечания читателей помогли бы автору при дальнейшей работе над ней.

**ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ.
ФОРМИРОВАНИЕ С. И. ГАБИЕВА
КАК УЧЕНОГО И РЕВОЛЮЦИОНЕРА**

Сайд Ибрагимович Габиев родился 28 мая 1882 года в городе Опочке, бывшей Псковской губернии.

Отец Сайда, Ибрагим Габиев, был грамотным, трудолюбивым человеком, о котором сын говорил как о человеке, впервые научившем его грамоте, познакомившем с арабской культурой².

И. Габиев был избран старшиной своего села Кумух и оставался им вплоть до 1877 года. Так бы и жили Габиевы спокойно в родном Кумухе, если бы не одно событие...

Как известно, народы Дагестана и Чечни, доведенные до отчаяния колониальной политикой царизма и жестокостью местных сатрапов, в 1877 году поднялись на борьбу с царским самодержавием. Но вследствие того, что во главе руководства находились представители имущих классов, интересы которых коренным образом отличались от интересов трудовых масс, а также разрозненности движения, восстание было сравнительно быстро подавлено. Со всеми, даже с теми, кто сочувствовал этому движению, царское правительство жестоко расправилось.

² См. С. Габиев. Арабы, ислам и арабо-мусульманская культура, Петроград, 1915, стр. I.

Отец Габиева в числе тридцати тысяч осужденных за участие в вооруженном восстании был сослан в Псковскую губернию.

Ему было разрешено взять с собой семью.

Через 5 лет И. Габиев, отбыв наказание, имеет с семьей возвращается в родной Кумух. «Без гроша, как говорится, за душой,— писал впоследствии Габиев,— потеряв все имущество во время разгрома... царскими усмиряющими войсками, отец вернулся с семьей в пять душ в развалины и пепелище. И детство мое проходило под влиянием рассказов отца и всех родных, а больше всего матери о днях восстания и о пережитом»³. Сайд много раз слышал от матери о том, «как встречали сосланных горцев в Петербурге,— пишет Н. Капиева, делясь своими впечатлениями о встречах с Габиевым.—В ожидании посадки на поезд они расположились на площади перед Николаевским вокзалом. Когда об этом узнали в городе, сюда съехался цвет передовой петербургской интеллигенции. Площадь запрудили пролетки, корзины с провизией, давали на дорогу деньги...

С этих семейных воспоминаний у Сайда уже в детские годы (запало в сознание: есть (две России. Казенная Россия — врага горцев, злого царя, и дружественная Россия — земля щедрого, великодушного русского народа»⁴.

Сайд Научился грамоте прежде всего у отца, человека умного и по своему образованного. Кроме лакского и арабского, Ибрагим неплохо знал и русский язык.

По окончании первого класса Кумухской сельской школы Сайд поступил в Темир-Хан-Шуринское четы-

³ С. Габиев. Моя автобиография (рукопись). (Копия хранится у М. Д. Бугаева).

⁴ Н. Капиева. Сайд Габиев. Журн. «Дон», 1963, №7, стр. 176.

рехклассное реальное училище, где проучился до 1895 года. В этом же году он перевелся в Ставропольскую гимназию, которая, как известно, отличалась своими демократическими и революционными традициями. Царское правительство принимало сюда горцев, чтобы подготовить «туземных чиновников» для проведения своей колонизаторской политики. Но в его стенах из самых лучших, одаренных воспитанников выросли борцы против самодержавия, революционеры У. Буйнакский, Д. Коркмасов, М. Хизроев и др.

Несмотря на непривычную для него среду, восприимчивый и любознательный Сайд быстро освоился и стал одним из лучших учеников гимназии.

В гимназии он много читает, изучает арабоязычную литературу, увлекается русской литературой, особенно произведениями Чернышевского, Добролюбова, Писарева, Некрасова, К. Хетагурова, пишет стихи. В гимназии же он познакомился, а затем и сдружился с прогрессивно настроенными гимназистами. Под их влиянием он стал читать запрещенную литературу. Все это положительно повлияло на умственное развитие Габиева, содействовало расширению его кругозора.

Твердый характер и прямота, непримиримость к несправедливости и злу приносили ему немало неприятностей уже в годы учебы.

Еще в гимназии он стал интересоваться народным бытом, изучал обычаи, нравы народностей Дагестана, собирал коллекцию предметов горского обихода. Весь собранный материал он использовал в своем историко-этнографическом очерке «Лаки. Их прошлое и быт», написанном в 1904 году. Вышел в свет очерк в 1906 году.

Он носит исследовательский характер, содержит большой фактический материал по истории и этнографии лаков. В нем использованы литературные и архивные материалы, а также народные предания об описываемых событиях.

Когда Габиев написал очерк, ему было всего 22 года. «Уже в этом раннем труде он обнаружил незаурядный литературный талант, а главное, свое критическое отношение к угнетателям и симпатии к обездоленным горским трудящимся»⁵.

Пребывание в течение девяти лет в Ставрополе оказало огромное влияние на формирование его мировоззрения. Период его учебы в гимназии совпал с подъемом социал-демократического движения в России. Петербургский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса», созданный В. И. Лениным в конце 1895 г., и другие «Союзы борьбы» способствовали консолидации социал-демократических сил в стране, развитию рабочего и крестьянского движения.

Несмотря на немногочисленность рабочей прослойки, Ставрополь оказался втянутым в водоворот революционной борьбы. Революционные идеи проникли и в среду учащихся, в частности в гимназию, где учился Сайд Габиев. Именно здесь у него выработались ненависть к представителям господствующих классов и глубокое уважение к трудящимся массам.

«По окончании гимназии,— пишет Габиев,— по воле бедных родителей, против своего желания вынужден был идти в Елизаветградское кавалерийское училище, но поганый дух этой царской военщины сразу оттолкнул меня, и я, воспользовавшись удобным случаем отсрочки присяги, ушел оттуда, пробыв всего месяца два»⁶.

В 1904 году, после долгих хлопот и усилий, Сайду Габиеву удается поступить на естественно-историческое отделение физико-математического факультета Петербургского университета и одновременно стать вольнослушателем на юридическом отделении. Из-за (матери-

5 История Дагестана, т. II, М., 1968, стр. 336.

6 С. Габиев. Моя автобиография (рукопись).

альных трудностей и неоднократных высылки из столицы окончить его он сумел только в 1911 году.

Учеба и годы пребывания в революционном центре России сыграли решающую роль в формировании мировоззрения С. И. Габиева. Революционно настроенное студенчество оказало большое влияние на молодого Габиева. Он принимает участие в студенческих волнениях и демонстрациях⁷. В период первой русской революции Габиев участвует в выступлениях рабочих Петербурга, а в ночь на 9 января 1905 года сражается в рядах путиловцев на баррикадах. Это было не кратковременное увлечение революцией, а сознательная деятельность уже зрелого человека, решившего стать на путь борьбы с самодержавным строем.

После январских событий ему пришлось выехать в Дагестан. Здесь он не прекращает революционную работу, несмотря на слежку, организованную царской охраной за каждым его шагом⁸. Вернувшись в Петербург, он в 1908 году принимает участие в рискованной операции—«в перевозке подпольной литературы и оружия из Петербурга во Владикавказ и Грозный»⁹.

Литературной деятельностью Габиев стал заниматься рано. Он был студентом гимназии, когда полюбил поэзию, стал писать публицистические очерки, статьи на злобу дня, в которых выражал свое отношение к жизни.

В первых же своих стихах он выступает как человек, недовольный существующим строем, изобличающий его пороки, желающий просветить свой народ, сделать его счастливым. Габиев видит, что во всех несчастьях народа виноват царизм, и поэтому он еще в ранний

⁷ Архив Дагобкома КПСС, ф. 2524, оп. 1, ед. хр. 1, лл. 1—7.

⁸ Там же.

⁹ «Дагестанская правда», № 114, 9 июня 1957 г.

период своей творческой деятельности смело и с гневом восклицает:

Эй сгорело бы ты, Романовых ханство,
Когда увидим мы твой полный разгром?!¹⁰.

В газету «Дагестанские областные ведомости», выходящую в Темир-Хан-Шуре в 1909—1917 гг., Габиев помещает страстные и злободневные статьи. В них он поднимает самые разнообразные вопросы. Он говорит об упразднении горского суда, о невыносимых методах военно-народного управления, о необходимости народного просвещения и т. д.

Некоторые номера этой газеты выходили с пустыми колонками, например, таким был номер газеты от 20 июня 1910 года. По этому поводу редакция писала, что «фельетон не напечатан по независящим от редакции причинам». В этом номере, хранящемся в Дагестанском партийном архиве, Габиевым собственноручно написано: «Была моя статья. Запрещена перед самым выпуском номера этого»¹¹.

Редактор названной газеты П. Исконицкий, человек добрый по натуре, но очень пугливый либерал, по поводу другой статьи пишет Габиеву: «При весьма искреннем желании не могу поместить, даже с громадными урезками, статью о сословно-земельных порядках... Забивают меня глупейшим официальным мытарством»¹².

«Грозный окрик хозяина, — писал Габиев в 1912 году в статье «Памяти П. В. Исконицкого», — сразу так ошеломил бедного старика, что он и руками и ногами

¹⁰ Рукописный фонд ИИЯЛ Дагестанского ФАН СССР, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 141, д. 1849, л. 6.

¹¹ Архив Дагобкома КПСС, ф. 2524, оп. 1, ед. хр. 3, л. 2.

¹² Там же, ед. хр. 4, лл. 1—2.

стал отмахиваться от моих статей»¹³. Свою статью Габиев заканчивает такими словами: «Настанет скоро и для Дагестана день, когда свободное слово перестанет быть под замками и когда правду не станут души́ть».

После окончания университета молодой Габиев стал преподавать естественные науки в Петербургской женской гимназии, называемой «братством святого духа». Но своенравие, прямота, а также левые взгляды не понравились директорше, и его вынудили покинуть преподавательскую работу. «Я ученицам о Дарвине говорил,— вспоминал Сайд Ибрагимович при беседах с Н. Калиевой.— Девушки слушали с увлечением, но учительство мое недолго продолжалось — всего одну зиму...»¹⁴.

Важнейшим событием в культурной жизни не только дагестанского, но и всех кавказских народов явилось издание в Петербурге газет «Заря Дагестана» и «Мусульманская газета», редактируемых Габиевым. «Заря Дагестана» была прогрессивной газетой, положившей начало дагестанской демократической печати.

С. И. Габиев понимал, что газете предстоит тернистый путь, но он, полный «непоколебимой веры в конечное торжество света над тьмой, правды над кривдой и добра над злом»¹⁵, трудился в газете, зная, как важно печатное слово для горцев.

Газета пользовалась большой популярностью среди горцев, получала от них материальную и моральную поддержку. Особенно большую помощь Сайду Габиеву в этом деле оказывали М. Дахадаев, У. Буйнакский,

¹³ Архив Дагобкома КПСС, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 2697, л. 43.

¹⁴Н. Капиева. Сайд Габиев. Журн. «Дон», 1963, №7, стр. 176.

¹⁵ «Заря Дагестана», № 1, 28 февраля 1912 г.

Г. Саидов, М. Далгат, М. Вахитов ¹⁶ и другие передовые люди, боровшиеся за счастье и благо народа.

«Достать эту газету здесь трудно,— писали Сайду Габиеву близко знающие его люди из Темир-Хан-Шуры, — потому что местная администрация из первой руки продавца выбирает все номера, имеющиеся в продаже, и, таким образом, она не дает другим возможность приобрести эту газету» ¹⁷.

В «Мусульманской газете» печатались статьи о политических событиях в Дагестане, о необходимости быстрее разрешения раятского вопроса, о передовых деятелях литературы и искусства. Публицистические статьи Габиева, которые печатались в этой газете, как и в «Заре Дагестана», были обвинительным актом против царской колониальной и русификаторской политики на Кавказе и других окраинах царской России. Газета была проникнута стремлением пробудить революционное сознание угнетенных народов, просветить широкие массы трудящихся, облегчить их участь. В то же время она выступила как страстный поборник дружбы всех народов. В «Мусульманской газете», кроме того, остро ставились вопросы подъема экономики и культуры трудовых народных масс. Деятельность С. Габиева в газетах вызвала недовольство царской администрации. За систематические нападки на военного губернатора Дагестанской области его судят в Темир-Хан-Шуре. М. Дахадаев, выступавший в качестве защитника обвиняемого, и сам Габиев сумели дать отпор организаторам суда и превратить его в трибуну критики господствующих общественных порядков ¹⁸.

¹⁶ Мулла-Нур Вахитов (1885—1918) — татарский революционер. (См. Л. Климович. «Из истории литератур Советского Востока», М., 1959, стр. 13).

¹⁷ См. архив Дагобкома КПСС, ф. 2524, оп. 1, ед. хр. 4, л. 14.

¹⁸ См. газ. «Красный Дагестан», № 100, 5 мая 1927 г.

«Поздравляем Вас с победой над «хозяином» Дагестана!— пишет М. Далгат Габиеву.— Ваше личное дело стало общим, и мы все, любящие свою родину, не можем не радоваться этому»¹⁹.

Непрекращающиеся цензурные урезки и всевозможные репрессивные меры привели к тому, что газеты перестали выходить»

«Заря Дагестана» и «Мусульманская газета» были популярны не только среди горцев Кавказа, но и среди народов Средней Азии, Татарии, Башкирии и других окраин царской России. «Они рассылались,— пишет М. Ахмедов, член КПСС с 1920 г.,— в Турцию, Персию и даже в Индию и в революционном движении, в поднятии самосознания масс сыграли заметную роль»²⁰.

Параллельно с публицистической деятельностью Габиев ведет большую пропагандистскую и научную работу. В 1912—1916 годах он выступает с лекциями в Петербурге, Москве, Бахчисарае, Баку, Ростове, Темир-Хан-Шуре и других городах. В эти же годы пишет работу «Арабы, ислам и арабо-мусульманская культура» (1915 г.), где он проявляет широкую осведомленность в области истории, литературы, философии и культуры всего Ближнего Востока. В этой работе Габиев дает краткую характеристику великих мыслителей средневековой арабоязычной философии. Так как, по его мнению, «философия у арабов была самой почетной наукой», он останавливается на творчестве Аль-Кинди и Аль-Фараб, «выдающихся философов первых времен мусульманского мира». Они не ограничились, пишет он, тем, что дали «ясное и верное объяснение философии Аристотеля», а внесли «свое,

19 Архив Дагобкома КПСС, ф. 2524, оп. 1, ед. хр. 4, л. 9.

20 «Дагестанская правда», № 167, 19 июля 1967 г.

индивидуальное». Имя Ибн-Сины Габиев ставит рядом с именем греческого мыслителя Аристотеля. Он указывает, что «мысли Ибн-Оины шли вразрез с ортодоксальным правоверием... и вызвали проклятия и обвинения в ереси». Характеризуя известного арабского богослова XI в. Аль-Газали, Габиев пишет, что «в ортодоксальной школе ислама» ни до, ни после не было ни одного диалектика, равного ему». В творчестве Ибн-Рошда Габиев верно понял теорию «двойственности истины»: «призывая искать истину в знании, Ибн-Рошд поддерживал также мнение, что пророческие откровения необходимы для людей»²¹.

Таким образом, Габиев в основном правильно подметил то характерное, что имело место в идейном наследии великих мыслителей арабоязычной философии, хотя не избежал определенного субъективизма в их оценке. Изучив еще в самый начальный период своей творческой деятельности историю философии, в частности арабоязычную философию, Габиев сумел проанализировать произведения арабских мыслителей, их философские взгляды, политическую деятельность. Здесь же он разбирает вопросы фатализма, предопределения, несовместимости религиозной веры и научных знаний и многое другое. В этой же работе, а еще раньше в очерке «Лаки. Их прошлое и быт» С. И. Габиев довольно подробно останавливается на вопросах о возникновении религий вообще, а также о возникновении и распространении религии ислама в частности. Он указывает, что религии предшествовали наивно реалистические, хотя и неверные представления людей о мире. Отличительной чертой такого мирозерцания является олицетворение первобытным человеком всех

²¹ С. Габиев. Арабы, ислам и арабо-мусульманская культура, стр. 101—103.

явлений природы, которые представлялись ему действием особых существ, имеющих сознание и волю²². И далее, пишет он, люди начинают не только верить в существование духов, что является результатом очеловечения и персонификации явлений природы, но и поклоняться им, что обусловлено их бессилием перед природой. Указывая на переход от многобожия к монотеизму, Габиев пишет, что «ушедшая из первобытных дебрей мысль человечества и тут пережила немало эволюции, пока не остановилась на форме понимания Бога как единого Вечного Духа»²³.

Противореча своему первоначальному высказыванию о возникновении религиозных представлений, автор пишет, что «человек никогда не жил без идеи божества». Христианство и ислам, утверждает он, «являются продуктом одной и той же исторической работы человеческого духа»²⁴. Это говорит о непонимании Габиевым социальных корней религии.

«Арабы, ислам и арабо-мусульманская культура» Габиева в целом страдает серьезными методологическими ошибками и упущениями. Однако, чтобы правильно оценить ее положительные и отрицательные стороны, не подвергнув книгу нигилистическому отрицанию²⁵, необходимо помнить время ее написания и конкретные исторические условия²⁶, при которых она появилась.

²² С. Габиев. Лаки. Их прошлое и быт. Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа, вып. XXXVI, Тифлис, 1906 г.

²³ С. Габиев. Арабы, и-слам и арабо-мусульманская культура, стр. 13.

²⁴ Там же.

²⁵ Ислам. Сборник статей. Издательство «Безбожник», 1931, стр. 134.

²⁶ См. «История Дагестана», т. II, М., 1968, стр. 205—274.

Габиев в своих призывах причисляет себя к числу верующих²⁷, подчеркивает, что он мусульманин. Поясняя, почему он так говорил, Габиев указывает, что в тех конкретных условиях дореволюционного Дагестана нежелательно было открыто выражать свои атеистические убеждения, так как они могли оттолкнуть отсталые массы от революционной борьбы.

Габиев действительно много писал и говорил о мусульманах, в частности о мусульманах, которые входили в состав Российской империи. Колонизаторская и шовинистическая политика царизма делала их наиболее темными и забытыми. Указывая на это, он не возвеличивал и не противопоставлял мусульман, в частности горцев Дагестана, другим народностям, не рассматривал их в отрыве от русского народа. Он хотел довести до сознания горцев идею необходимости просвещения, хотел привлечь их внимание к своим воззваниям. Пытаясь использовать религиозную веру трудящихся масс в интересах просвещения, он под видом религиозных требований выдвигает доводы в пользу просвещения, которые в сущности противоречат духу религии. Беру людей в бога он пытается использовать для того, чтобы направить их на путь просвещения и научного прогресса.

Он стремится эклектически примирить непримиримое — схоластику исламской идеологии и «научное понимание всего мирового», что приводит к противоречивости и непоследовательности его воззрений этого периода.

Вот, например, что он говорит в своей статье, посвященной памяти известного татарского поэта А. Тукаева: «Сказать о том, что покойный ашуг держался какого-либо определенного направления — нельзя, ибо

²⁷ Рукописный фонд ИИЯЛ Дагестанского ФАН СССР, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 141, д. 1849, л. 96.

той дифференциации мысли, которую можно назвать направлением у нас, мусульман России, еще нет. Мы находимся еще как бы «накануне», мы выявляемся и проявляемся»²⁸.

Говоря о мировоззрении Габиева, необходимо коснуться, хотя бы вкратце, вопроса о его философских воззрениях. Конечно, Габиев не писал специальных философских работ, в которых в систематизированном виде решались бы онтологические и гносеологические вопросы философии. Но в своих исторических трудах, публицистических статьях он попутно, по необходимости, касался и философских вопросов.

Из изданных его работ дооктябрьского периода вытекает, что он основной вопрос философии решал в духе объективного идеализма. Он считает бога первоисточником всей действительности. Вместе с тем он признает существование материального мира, ратует за научный подход к изучению окружающей действительности, указывая, что не следует принимать религиозные «догмы без рассуждения за веру»²⁹.

Он верит в силу человеческого разума, в силу науки, которая с каждым годом открывает все новые и новые законы, постоянно углубляясь в тайны природы. Выступая в печати по поводу гибели гигантского для того времени английского корабля «Титаник», Габиев пишет: «Да! «Титаник» разбит, истерт в порошок безжалостной стихией, разрушено в один миг, что комбинировало в технике человеческий гений до сих пор... Титан-человек опять вновь восстанет на борьбу и несомненно победит. Пусть погибли люди, но ведь человечество остается, Разве лишняя неудача может остановить победоносный гений... Погиб «Титаник»,

²⁸ «Заря Дагестана», № 5, 24 апреля 1913 г.

²⁹ С. Габиев. Арабы, ислам и арабо-мусульманская культура, стр. 12.

завтра создадут новый «Левиафан», еще более мощный, еще более продуманный...

Да здравствует культура и дерзновение человечества, которые вместе с этой культурой неизменно будут нести в себе человека-бога»³⁰.

Называя человека богом, Габиев хотел подчеркнуть способность человека познать окружающий мир, его тайны, законы. Для Габиева революционно-практическая деятельность объективно служила доказательством не только возможности, но и необходимости познания мира. Он указывал, что достижения науки свидетельствуют о том, что Вселенная и ее закономерности познаваемы. «Человек — бог», человеческая мысль, его пылкий ум, неустанно блуждая в поисках истины, способны познать мир.

Стихийные бедствия и другие природные явления, замечает Габиев, совершаются по законам природы, а не предопределены богом, и человек способен «смело бросить вызов безразличной стихии...»³¹.

Таким образом, из всего сказанного вытекает, что научная и пропагандистская деятельность Габиева дооктябрьского периода, а также издаваемые им газеты не лишены недостатков, говорящих об ограниченности его мировоззрения.

И все же, несмотря на идейное отступление Габиева от последовательного революционного учения, несмотря на то, что он не поднялся до марксистского решения поднимаемых им вопросов, его творческая и революционная деятельность этого периода сыграла положительную роль в смысле распространения просветительных, освободительных, революционно-демократических идей.

³⁰ Рукописный фонд ИИЯЛ Дагестанского ФАН СССР, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 141, д. 1849, л. 96.
³¹ Там же.

На формирование мировоззрения Габиева серьезное влияние оказала передовая русская культура и общественная мысль России конца XIX — начала XX вв. Сам Габиев писал, что он «воспитывался на русской культуре и на идеях корифеев русской мысли»³². Особенно сильным на формирование мировоззрения Габиева было влияние (великих русских революционеров-демократов Герцена и Чернышевского, которых в своей повести «В народ» он назвал вождями и борцами за свободу и права человечества.

При знакомстве с повестью «В народ» и аллегорическим рассказом «Безумцы» нетрудно заметить, что они написаны под влиянием «Песни о Соколе» и «Старухи Изергиль» М. Горького.

Анализ всей его деятельности нам дает основание утверждать, что мировоззрение С. И. Габиева в своей эволюции прошло два основных этапа: первый охватывает период с 1900 по 1917 год, второй — с 1917 года. Безусловно, эти основные этапы можно в свою очередь подразделить на определенные периоды, связанные с теми или иными существенными событиями в его творческой и революционной деятельности. Таким важным событием, оказавшим большое влияние не только на формирование его мировоззрения, как уже говорилось, но и на всю культурную жизнь Дагестана явилось издание газеты «Заря Дагестана».

В книге «Периодическая печать Дагестана» Дж. Ахмедов отводит газете «Заря Дагестана», следовательно и мировоззрению Габиева, роль просветительскую³³.

Нам думается, что мировоззрение Габиева нельзя считать лишь просветительским.

Если для России конца XIX века просветительство являлось пройденным этапом, то для Дагестана этого

³² «Заря Дагестана», № 2, 31 марта 1912 г.

³³ См. Дж. Ахмедов. Периодическая печать Дагестана, Махачкала, 1963, стр. 35.

периода просветительство было одним из главных направлений в общественно-политической мысли народов.

Просветительство в узком смысле слова понимается как идеология, которая доказывает, что преобразование феодализма и основание нового общества возможно лишь мирным путем, с помощью реформ и просвещения; а в широком смысле слова — как синоним антифеодальной прогрессивной идеологии периода становления капитализма³⁴. В Дагестане возникновение и развитие просветительства происходило в своеобразных условиях, вызванных прежде всего тем, что капиталистические отношения здесь только складывались. Господствующими общественными отношениями в Дагестане были феодальные производственные отношения; сохранились также пережитки патриархально-родового строя; сильно было влияние религии.

Просветители Дагестана, в том числе и Габиев, были выразителями интересов трудовых масс; они боролись против невежества и отсталости, пропагандировали научные знания, призывали народ приобщиться к передовой русской и мировой культуре. Просветительские идеи Габиева имели большое значение в борьбе с реакционной, феодально-клерикальной идеологией и содействовали подготовке почвы для возникновения и распространения революционно-демократических идей.

В творческой деятельности Габиева происходит постепенное усиление социальных, антифеодальных и антиколониальных мотивов. Его просветительские идеи претерпевают значительные изменения под влиянием буржуазно-демократической революции 1905—1907 гг. и идей большевистской партии.

Как известно, в 40—60-х годах XIX века в России

³⁴ «Философская энциклопедия», т. 4, М., 1967, стр. 391.

революционный демократизм являлся самым передовым течением в борьбе трудящихся против царизма и крепостничества. В конце XIX — начале XX века самой революционной, последовательной идеологией в этой борьбе становится большевистская идеология.

К этому же периоду относится проникновение марксистских «идей и появление социал-демократических кружков и групп в Дагестане. Под влиянием революционного и социал-демократического движений борьба народных масс Дагестана принимала все более сознательный характер. Этому же способствовали создание и укрепление крупных организаций РСДРП на Кавказе, появление пролетариата на промышленных и транспортных предприятиях области, агитационная работа ссыльных русских революционеров, а также дагестанцев, возвращавшихся с заработков или учебы.

Социал-демократические идеи, оказавшие большое влияние на ход исторического развития страны, отразились также и на развитии общественно-политической и философской мысли народов Дагестана. Хотя «философская мысль нерусских народов России представляла собой довольно пеструю и сложную картину в силу неодинакового у разных народов уровня социально экономического и культурного развития, различного характера внутринациональных культурных и философских традиций, внешних идейно-философских связей и т. д.»³⁵, вместе с тем необходимо подчеркнуть, что «многочисленная общность исторических судеб этих народов в рамках одного государства, влияние русской культуры, упрочение, как правило, при ее посредстве связей с мировой культурой и философией привели к возникновению ряда общих черт развития философской мысли всех народов России»³⁶.

³⁵ История философии в СССР, т. 4, М., 1971, стр. 33.

³⁶ Там же.

Под влиянием идей марксизма, роста революционного движения в крае революционно-демократическая идеология в Дагестане претерпевает существенные изменения.

Сайд Габиев являлся одним из ярких представителей революционно-демократической мысли. Именно с этих позиций Габиев ставил вопрос о необходимости изменения общественного строя и осуществление своих идей связывал с революционной борьбой, с деятельностью масс.

Естественно, открытая пропаганда революционных идей, призывы к низвержению существующего самодержавного строя преследовались властями. Поэтому ему, как и другим, в то время приходилось писать намеками, эзоповским языком, который хорошо понимали наиболее передовые сознательные люди. Очевидно, если бы он писал свои статьи не в условиях царской цензуры и отсутствия политической свободы, то его взгляды были бы выражены более полно и ясно. Понятно, конечно, что открыто призывать к революции со страниц редактируемых им газет означало для Габиева подписать себе смертный приговор. Но, с другой стороны, вряд ли царское правительство стало бы закрывать газеты, штрафовать издателя, судить его, как это имело место, если бы Габиев ограничивался пропагандой просветительства в рамках существующего строя. Габиев в этой обстановке строжайшего надзора и преследования каждого свободомыслящего человека умело освещал важнейшие события в стране, рассказывал о действительном положении горцев, о тяжелых условиях их труда и жизни, бесчеловечной эксплуатации. Он не ограничивался простым изложением событий, а старался делать по силе возможности политические выводы, горячо поддерживал революционную инициативу масс, звал их к борьбе.

В своих статьях, посвященных прогрессивным

деятелям России, Габиев подчеркивает их недовольство существующим общественно-политическим строем, их призывы к борьбе. «Его пылкая натура,— пишет Габиев о великом осетинском поэте Коста Хетагурове,— не укладывалась в «казенные рамки», не выносила гимназической духоты. Он поставил целью своей жизни борьбу за личность и лучшие формы жизни»³⁷.

Некоторые статьи габиевских газет, а главное «многие статьи самого редактора (С. И. Габиава.— Х. Х.), были проникнуты духом «Правды»³⁵,— пишет М. Бугаев в книге «Правда» и Дагестан».

Например, в «Заре Дагестана» напечатана небольшая заметка под названием «Карл Маркс», где мы находим следующее упоминание о «Правде»: «1 марта сего года исполнилось 30 лет со дня смерти основателя научного социализма Карла Маркса. Пролетариат всего мира широко отметил эту годовщину. Памяти автора «Коммунистического манифеста» посвящены теплые статьи в газетах «Правда» и «Трудовой голос»³⁹.

В «Мусульманской газете» была перепечатана статья из «Правды» о судьбе башкир, завербованных французским капиталистом и подвергавшихся в далекой Астурии жестокой эксплуатации. Встречаются и другие статьи, перепечатанные из «Правды», или аналогичные, написанные под ее влиянием⁴⁰.

Критикуя отдельных представителей царского самодержавия, Габиев имел в виду всю систему управления в Дагестане, весь социально-экономический

³⁷ Рукописный фонд ИИЯЛ Дагестанского ФАН СССР, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 142, л. 10.

³⁸ М. Бугаев. «Правда» и Дагестан», Махачкала, 1967, стр. 10.

³⁹ «Заря Дагестана», № 3 (15), 15 марта 1913 г.

⁴⁰ «Мусульманская газета», № 9, 28 февраля 1913 г., № 6, № 24 и др.

строй. «Борьба велась,— писал позднее Габиев,— против всей системы управления, а не против отдельных представителей власти, по коим били лишь как по отражающим эту власть»⁴¹.

Поэтому царские власти (видели в лице С. И. Габиева уже в (первый период его деятельности врага самодержавия, опасного бунтовщика, призывающего народные массы к свержению существующего строя. Канцелярия Главного управления по печати по поводу повести «В народ» писала, что Габиев призывает народ «к ниспровержению существующего государственного строя и притом насильственным путем»⁴².

Следовательно, исходя из всего сказанного, мы можем утверждать, что в первый период деятельности Габиева — с 1900 до 1917 года — его просветительские идеи сочетались с революционно-демократическими идеями.

Раскрывая важную особенность революционного (демократизма начала XX столетия, В. И. Ленин писал: «Под революционной демократией разумеются те последовательные и решительные демократические течения, которые принимают *всю* демократическую программу социал-демократии, не останавливаются ни перед какими революционными мерами, но лишены ясного социал-демократического классового сознания»⁴³. Эти ленинские слова можно отнести и к революционно-демократическим идеям С. И. Габиева.

Ко времени Февральской революции С. И. Габиеву еще не удалось полностью встать на позиции большевистских идей. В этот период Габиев ошибался в оценке Февральской революции, полагая, что революцион-

⁴¹ Газ. «Красный Дагестан», № 103, 11 мая 1927 г.

⁴² Цит. по Л. Климович. «Из истории литератур Советского Востока», М., 1959, стр. 323.

⁴³ В. И. Ленин. Поли. собр. соч., т. 9, стр. 318.

ная политическая борьба масс должна ограничиваться свержением самодержавия и установлением демократических порядков. Это говорит о том, что по некоторым теоретическим вопросам он все еще стоял на революционно-демократических позициях.

Развернувшиеся в Дагестане события убеждают его во лживости обещаний Временного правительства и его органа на месте — исполнительного комитета. Будучи с апреля 1917 года по май 1918 года Чрезвычайным комиссаром Казикумухского округа, Габиев разворачивает деятельность по сплочению революционных сил, по их большевизации. «Предлагаю немедленно прибыть в Шуру (Темир-Хан-Шура.— Х. Х.), передав управление Гузунову»⁴⁴, — требовал член исполкома Бамматов, недовольный подобной его деятельностью. Габиев не выполнил большинство распоряжений реп-тильного исполкома. Опираясь на поддержку трудящихся масс, он проводил свою линию по их подготовке к грядущим битвам⁴⁵.

В 1918 году он стал членом Дагестанской социалистической группы, которая объективно сыграла положительную роль в сплочении прогрессивных сил в борьбе с реакционными и контрреволюционными силами⁴⁶.

⁴⁴ Архив Дагобкома КПСС, ф. 2524, оп. 1, ед. хр. 6, л. 7.

⁴⁵ См. «История Дагестана», т. 3, 1968, стр. 55.

⁴⁶ См. о Социалистической группе в «Истории Дагестана», т. 3, М., 1968, стр. 19—20.

Сайд Габиев в письме к Э. Ю. Кассиеву (1957 г.) отрицал свое вхождение в Соцгруппу. Это мнение разделяют и некоторые дагестанские ученые. Однако еще в 1918 году на I съезде представителей трудовых горских народов Терской республики Габиев говорил: «... в течение шести месяцев мы, кучка дагестанских социалистов, гордо держали знамя социализма в Дагестане», (Газ «Народная власть», № 167, 1918 г.).

Его выступления на 5 сессии съезда трудовых народов Терской республики⁴⁷, который проходил в ноябре — декабре 1918 года, говорят о том, что Габиев не полностью освободился от влияния левых социал-революционеров⁴⁸.

Но постепенно под влиянием классовых битв, развернувшихся на Северном Кавказе, Г. К. Орджоникидзе⁴⁹, С. М. Кирова Габиев окончательно переходит на позиции большевиков. С. И. Габиев вступает в члены Коммунистической партии в конце 1918 г., хотя, как уже говорилось, воспринимает коммунистическую идеологию значительно раньше; становится активным участником и умелым организатором борьбы трудящихся масс Дагестана. Он проводит большую организаторскую работу среди трудящихся Дагестана и Северного Кавказа, разъясняет им идеи Октябрьской революции.

С мая 1918 года, когда была установлена в Дагестане Советская власть, Габиев становится ее решительным сторонником, избирается в состав Дагестанского (военно-революционного комитета).

⁴⁷ См. архив Дагобкома КПСС, ф. 2970, оп. 5, ед. хр. 84.

⁴⁸ С. И. Габиев, будучи студентом университета, стал членом партии эсеров. После ее раскола он примкнул к партии левых эсеров. Но, как пишет сам Габиев, «еще до перехода в РКП(б) все время работал с большевиками, увлекая за собой эту и всю Северо-Кавказскую организацию левых эсеров». (С. Габиев, «Моя автобиография»).

⁴⁹ Г. К. Орджоникидзе близко знал Габиева по совместной революционной деятельности на Кавказе, ценил его как исключительно мужественного и принципиального революционера, как способного организатора масс в борьбе с врагами революции (Г. К. Орджоникидзе. Статьи и речи, т. 1, 1956, стр. 118, 121, 480). Вместе с тем Г. К. Орджоникидзе как ленинец с большевистской непримиримостью и последовательностью подвергал Габиева критике за ошибки, отдельные отступления от большевистских позиций. (Архив Дагобкома КПСС, ф. 2370, оп. 5, ед. хр. 84).

Он тесно был связан с большевиками Баку, которые оказывали трудящимся Дагестана братскую поддержку и помощь. В 1918 году С. И. Габиев доставляет из Баку в Дагестан деньги и оружие от бакинских комиссаров для формирования в Дагестане красных частей⁵⁰, Он поддерживал связь с 26 бакинскими комиссарами и неоднократно Встречался с Шаумяном и Джапаридзе. Пользовался доверием Г. К. Орджоникидзе, С. М. Кирова, А. И. Микояна.

После временного падения Советской власти в Дагестане в сентябре 1918 года С. Габиев вынужден был уехать во Владикавказ, где под руководством Орджоникидзе борется против контрреволюции за укрепление Советской власти на Северном Кавказе, ведет большую разъяснительную работу с целью объединения революционных сил народов Кавказа.

В 1918 году С. И. Габиев избирается председателем Народного Совета Терской советской республики и членом тройки⁵¹ Обороны Терской советской республики, комиссаром первого конно-интернационального 12-сотенного краснопартизанского отряда, а также членом Северо-Кавказского революционного комитета в Пятигорске и ревтрудармии юго-востока России, председателем которой был Г. К. Орджоникидзе, а затем и С. М. Киров. Вместе с тем С. Габиев как опытный и талантливый публицист по указанию Орджоникидзе становится редактором газеты Терской республики «Революционный горец».

21 сентября 1920 года С. И. Габиев становится председателем Дагестанского областного революционного комитета.

⁵⁰ См. архив Дагобкома КПСС, ф. 2370, оп. 5, ед. хр. 176, стр. 7.
⁵¹ В тройку входили председатель Г. К. Орджоникидзе, члены С. М. Киров и С. И. Габиев.

Организаторские способности, энергию проявил С. И. Габиев особенно при подавлении антисоветского мятежа Гоцинского, представлявшего тогда серьезную угрозу Дагестану. О его огромной работе по мобилизации горских масс на борьбу с контрреволюцией говорят факты, многочисленные документы, хранящиеся в партархиве⁵².

В 1920 году С. Габиев, будучи членом Совета пропаганды и действия революционных народов Востока: при Исполнительном комитете III Интернационала, принимал деятельное участие в организации и созыве съезда народов Востока, который проходил в Баку в августе того же года. «Организация и созыв его возложены на меня, т. Нариманова, т. Микояна, т. Габиева и т. Стасову, приехавшую специально с этой целью из Москвы», — говорил Г. К. Орджоникидзе⁵³.

С. И. Габиев вместе с И. В. Сталиным и Г. К. Орджоникидзе принимал также деятельное участие в подготовке и созыве Чрезвычайного съезда Советов в Темир-Хан-Шуре, на котором была провозглашена Советская автономия Дагестана⁵⁴.

«Советская власть на деле доказала вам, — говорил Габиев в своем выступлении на этом съезде 13 ноября 1920 года, — что мы, коммунисты, звавшие вас — дагестанский народ — за нашей партией на борьбу с капиталом, были правы».

Только Советская власть, только Коммунистическая партия несет всему миру истинную свободу»⁵⁵.

В резолюции, предложенной Габиевым от имени съезда, говорилось: «Съезд заявляет, что потоками

⁵² См. архив Дагобкома КПСС, ф. 2370, оп. 5, ед. хр. 14, л. 5; ед. хр. 16, л. 6; ед. хр. 18, л. 7, л. 33; ед. хр. 22, л. 5; ед. хр. 24, 28, 30.

⁵³ Архив Дагобкома КПСС, ф. 2524, оп. 1, ед. хр. 20, лл. 4—5.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Там же.

пролитой крови в борьбе с врагами свободы и революции, крови, оросившей союз с трудовым народом Советской России, с этого момента вырастает в вечные, мощные, неразрывные узы братства и взаимной солидарности на весь долгий путь борьбы и победного торжества новой жизни»⁵⁶.

В 1920—1923 гг. С. И. Габиев являлся заместителем председателя СНК ДАССР и одновременно работал сначала наркомом просвещения, а затем наркомом финансов ДАССР.

Сайд Ибрагимович вложил много сил и труда в дело восстановления разрушенного войной народного хозяйства республики, проводил большую и полезную работу по организации школ, детских домов, интернатов, по ликвидации неграмотности, поднятию культуры горцев⁵⁷.

Его произведение послеоктябрьского периода и революционная деятельность свидетельствуют о том, что он полностью стал на позиции большевизма, принял коммунистическую идеологию.

Будучи на пенсии, С. И. Габиев часто встречался с молодежью, выступал на страницах газет, а также с лекциями и докладами, продолжал писать научные труды.

Свои воспоминания Габиев изложил в незавершенных трудах «Революционное движение 1905 года в Дагестане»⁵⁸ и «Очерки истории революционного движения и гражданской войны в Дагестане».

⁵⁶ Архив Дагобкома КПСС, ф. 2524, оп. 1, ед. хр. 10, л. 5.

⁵⁷ С. И. Габиев работал и в Закавказье, где он также возглавлял ответственные участки партийной и советской работы. Он здесь занимал посты заместителя народного комиссара финансов, начальника Закавказского водного хозяйства и геодезического управления, председателя Комитета по печати при Совнарком РСФСР.

⁵⁸ Архив Дагобкома КПСС, ф. 2524, оп. 1, ед. хр. 32-а, лл. 1—100.

Умер Сайд Ибрагимович Габиев в 1963 году в возрасте 80 лет.

Е. Д. Стасова, ближайшая соратница В. И. Ленина, член Коммунистической партии с 1898 года, и известный генерал Советской Армии А. И. Тодорский, руководивший частями Красной Армии, боровшимися в горах Дагестана с бандами Гоцинского, в канун 75-летия С. И. Габиева писали:

«... Мы хорошо знаем, любим и ценим дорогого Сайда Ибрагимовича, нашего старого товарища и близкого друга. В самые первые суровые годы Советского Дагестана на наших глазах товарищ Габиев самоотверженно боролся за счастье трудящихся, за великое дело коммунизма»⁵⁹.

⁵⁹ «Дагестанская правда», № 167, 19 июля 1967 г.

**СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ, ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ
И ЭСТЕТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ С. И. ГАБИЕВА**

Видный общественный деятель своего времени Габиев уделял в своих работах много внимания существующим социально-экономическим и общественно-политическим отношениям. Особенно много высказываний у него по вопросам развития капитализма на Кавказе и в Дагестане. Его творческая деятельность совпала с тем периодом, когда в России после отмены крепостного права быстрыми темпами стали развиваться капиталистические производственные отношения, промышленность, росли фабрики и заводы, прокладывались железные дороги, основывались акционерные общества и банки. Капитализм проник в Дагестан, в частности и в аул, разрушая патриархальные отношения, разлагая общину. Шел процесс вытеснения вековых кустарных промыслов горцев. Русские и иностранные капиталисты превратили Северный Кавказ не только в источник сырья, но и в рынок сбыта своих изделий. Эти явления, вызванные проникновением и складыванием капиталистических производственных отношений в Дагестане, нашли отражение в творчестве С. И. Габиева. Не отрицая некоторых положительных моментов, являющихся последствиями этого процесса, Габиев в то же время не идеализировал капиталистические отношения, а, напротив, подходил к ним крити-

чески, указывал на их пороки и подвергал их резкому осуждению:

Низость, всюду обман, грозный мрак, произвол.
Всюду бой за металл сей презренный. Всюду
подлость и раб, запряженный, как вол, Всюду
слезы и стон монотонный...⁶⁰.

Понимал, что «там, где один человек покушается на «я» другого, там совершается величайшая несправедливость»⁶¹, он пишет: «чтобы жизнь наша сделалась хоть мало-мальски приличной, мы нуждаемся в фундаментальных реформах во всех областях ея»⁶².

Следовательно, «фундаментальные реформы» не могут привести к коренному улучшению жизни народа, они способны только лишь сделать жизнь «мало-мальски приличной».

«Одним из самых вредных и бессмысленных зигзагов оказалось так называемое военно-народное управление в Дагестане»⁶³, — начинает Габиев критику общественного устройства. Эти слова прозвучали как призыв сбросить с плеч горцев так называемое военно-народное управление в Дагестане, которое «оказалось бедствием... для горцев»⁶⁴.

Как известно, система военно-народного управления на Кавказе была введена царским правительством для окончательного покорения и усмирения кавказских народов. Под словом «народное» скрывалась колонизаторская политика царизма, осуществлявшаяся путем привлечения к управлению краем наиболее верных царизму представителей горской верхушки. Царское

⁶⁰ «Заря Дагестана», № 1, 28 февраля 1912 г.

⁶¹ Там же, № 7 (19), 11 июня 1913 г.

⁶² Там же, № 6, 12 сентября 1912 г.

⁶³ «Мусульманская газета», № 15, 24 декабря 1913 г.

⁶⁴ «Заря Дагестана», № 8 (20), 4 августа 1913 г.

правительство ввело военно-народную систему колониального управления, так как она была удобной формой классового союза между царскими колонизаторами и местными феодалами. «Беззастенчивый произвол местной администрации, полное игнорирование законов, абсолютное незнакомство даже с крохами быта и истории управляемых народов, игнорирование всех запросов духа населения — вот чем богато военно-народное управление в Дагестане»⁶⁵.

Столь же резкой критике был подвергнут Габиевым и такой местный институт управления краем, как суд: «К гражданским делам применялись и применяются то правила адата, то правила шариата, тогда как в деле общественных взысканий держится система наказаний по общим законам империи. И все это делается не независимо от народных адатов, а в спайке с ними. И вот из всего этого сумбура создан «горский адатный суд»⁶⁶.

Габиев критикует председателей этих судов, которые решают дела так, как им хочется, он клеймит приверженцев адатных судов, так как те, «поддерживая подобный институт правовых норм», тем самым «задерживают развитие культуры».

В габиевских газетах проводилась та мысль, что администрация, суды и т. д. не в силах искоренить общественные пороки, преступления и т. п.: «Говорят, своими суровыми приговорами имперские суды хотят положить конец кровавой мести в Дагестане. Мы не думаем, чтобы десятка два суровых приговоров... могли уничтожить такое социальное зло, как институт кровавой мести».

И далее: «Дайте Дагестану элементарные условия гражданского бытия — правосудие, вместо администра-

⁶⁵ «Дагестанские областные ведомости», № 25, июль 1910 г.

⁶⁶ «Заря Дагестана», №2 (14), 28 февраля 1913 г.

тивного усмотрения; дайте школы, земство, неподкупную и порядочную администрацию и другие блага XX века, уничтожьте созданное искусственно крепостничество в плоскостных округах, возвратите населению: этих округов земли, отнятые у него так называемыми беками при попустительстве и благосклонном содействии властей, и пережиток варварства—кровавая месть; исчезнет сама собой»⁶⁷.

С. Габиев решительно протестует против произвола,, против взяточничества, грубости дагестанской администрации, пресекающей всякое проявление общественной свободы и инициативы.

«Нет такой святыни, гордости, обычая народа,— писал Габиев,— над которыми администрация цинично не заносила бы своей руки, нет такого чувства у дагестанцев, над которым она зло не надсмееалась бы»⁶⁸. Особенно уничтожающей критике подвергается Габиевым административно-чиновничий аппарат в статье «Дагестан». «Ни коренных законных порядков, ни так называемого «горского адатного суда», ни чисто военно-административного управления нет в Дагестане. Там царит бессмысленный сумбур произвольного управления»⁶⁹.

В своих статьях по вопросам администрации, суда, адата и шариата, земельно-кредитных реформ Габиев рассматривает отрицательные явления общественной жизни, стремится показать их причины и пути устранения. Он подвергает всесторонней критике порочную деятельность местных администраторов, призывает к борьбе с общественным злом. Своими выступлениями Габиев подчеркивает, что патриархально-феодалные отношения в крае полностью изжили себя как эконо-

⁶⁷ Заря Дагестана, № 2(14), 28 февраля 1913 г.

⁶⁸ Там же, № 7 (19), 11 июня 1913 г.

⁶⁹ Там же, № 8 (20), 4 августа 1913 г.

мически, так и политически и, следовательно, нечего мириться с дальнейшим существованием этого отжившего мира.

Кале известно, Габиев ратовал за проведение реформ во всех областях социальной и экономической жизни Дагестанской области. Конечно, никакие реформы, проведенные в рамках существовавшего царского строя, не могли привести к коренному улучшению жизни трудового народа. Но нельзя упускать из виду прогрессивного значения габиевских призывов к реформам. Остановливаясь на целях и задачах общественных реформ, Габиев обращает особое внимание на экономические и социальные стороны этого вопроса. «На очереди стоят такие вопросы жизни, как земельный, судебный, школьный и др., решение коих в ту или иную сторону будет иметь огромное значение во всем укладе нашего быта»⁷⁰, — пишет Габиев.

Коренные социально-экономические преобразования в крае, уничтожение остатков крепостничества крестьянские массы связывали с проведением реформ. Политические реформы, замечает Габиев, играют подчиненную роль по отношению к экономическим, поэтому важно, «чтобы народ сам понял всю неприглядность своего положения и перешел к другим, более культурным приемам улучшения своего материального положения. Так как явление это (имеется в виду тяжелое материальное положение трудящихся. — Х. Х.) вырастает на почве низкого уровня сельскохозяйственной техники и слабого развития ремесел, промыслов и промышленных предприятий, то на эти именно стороны экономической жизни и должно быть обращено главное внимание при разрешении вопроса об устранении причин, обрекающих ежегодно десятки тысяч сельского населения Дагестана на отхожие промысла

⁷⁰ С. Габиев. Лаки. Их прошлое и быт, стр. 101.

и на поиски за заработком в душных мастерских Тифлиса, Баку и других городов»⁷¹.

Важно заметить, что уже в своих ранних работах, в издаваемых им газетах, Габиев требует конкретно-исторического подхода к проведению реформ и других мероприятий, к привлечению для их проведения людей, знающих данную общественную среду, быт и культуру горцев, их образ жизни.

Отношение Габиева к общественной и творческой деятельности прогрессивных представителей народов России помогает нам дополнить характеристику его политических воззрений. Габиев подчеркнул «бунтарскую» сторону воззрений этих деятелей, их недовольство существующим социально-экономическим строем, преданность народным идеалам.

В своей статье «Запоздавший привет», посвященной 60-летию В. Г. Короленко, в которой он отмечал борьбу писателя за лучшую долю русского народа, за защиту других народов, за дружбу, Габиев писал, что Короленко «всю свою хорошую жизнь посвятил общественной борьбе за лучшую долю народа... Он живо откликается на все выдающиеся общественные события России и навсегда оставляет за собой яркие следы... Борясь со злом, он боролся всегда с основной его причиной...»⁷².

С наибольшей силой революционная позиция Габиева проявляется в статье «А. И. Герцен», посвященной столетию со дня рождения Герцена. Отметив, что «Герцен — это страшно, до невыразимой боли тоскующий по родине изгнанник, который, оставаясь телом за границей, мысленно жил только в России, ей одной сохраняя свою веру и ей одной посвящая свою жизнь», Габиев, хорошо знавший идейное наследие великого

⁷¹ Там же.

⁷² «Заря Дагестана», № 8 (20), 4 августа 1913 г.

писателя, показывает огромную роль последнего в распространении социалистических идей, революционизировании сознания трудовых масс, в освобождении крестьян.

«Под благовест его «Колокола» в России совершалось освобождение крестьян... Все, что (было образованного, верующего в лучшее будущее России, стремится в это время к Герцену, — пишет Габиев. Неутомимый борец против деспотизма, откуда бы он не исходил, и мещанства — этой пошлой рутины, превращающей живую жизнь в болото, представитель самой высокой культуры, мысли и чувства, рыцарь свободы и достоинства человеческой личности, гражданин, пламенно любивший свой обширный родной край и народ, конечно, такому человеку в затхлой атмосфере тогдашней России не было возможности даже дышать, а не только жить...»⁷³.

Эти слова Габиева, написанные в 1912 году, прозвучали как смелый вызов продолжавшей еще господствовать «затхлой атмосфере» — царскому режиму, как призыв к низвержению этого строя, где нет возможности «жить и дышать».

Габиев правильно показывает Герцена и как родоначальника народничества: «Глубоко веря в светлое, могучее будущее России, Герцен закладывает основы расцветавшего потом широкого движения русской интеллигенции — народничества, благословив ее на борьбу за высшие общественные идеалы»⁷⁴.

Однако Габиев не заметил в «русском социализме» А. И. Герцена уязвимых мест, связанных с историческим идеализмом и непониманием Герценом характера материальных предпосылок для создания социалистического строя.

⁷³ Там же, № 2, 31 марта 1912 г.

⁷⁴ Там же.

«Герцен,— писал В. И. Ленин,—видел «социализм» в освобождении крестьян с *землей*, в общинном землевладении и в крестьянской идее «права на землю». Свои излюбленные мысли на эту тему он развивал бесчисленное количество раз.

На деле в этом учении Герцена, как и во всем русском народничестве — вплоть до полинявшего народничества теперешних «социалистов-революционеров», —нет *ни грана* социализма. Это—такая же прекраснодушная фраза, такое же доброе мечтание, облекающее *революционность* буржуазной крестьянской демократии в России, как и разные формы «социализма 48-го года» На Западе»⁷⁵.

Но за утопически-социалистической формой герценовской теории скрывалось реальное и для своего времени глубоко прогрессивное историческое содержание —боевой демократизм. Она отражала революционность крестьянской демократии в России и, в частности, революционные стремления к равенству «со стороны крестьян, борющихся за полное свержение помещичьей власти, за полное уничтожение помещичьего землевладения»⁷⁶.

«Несомненно, что крепостное право,— писал Габиев, подчеркивая непримиримость А. И. Герцена с крепостничеством,— было то чудовище, бороться с которым лучшие русские люди давали себе «аннибаловы клятвы», и Герцен борьбой с этим чудовищем вписал в книгу своей жизни много чудных страниц»⁷⁷.

Заканчивая статью «А. И. Герцен», Габиев пишет: «Стремясь к свободе и светлому будущему своему, рука об руку с лучшей частью русской интеллигенции, мы, горцы, не могли не чтить память таких борцов за об-

⁷⁵ В. И. Ленин. Поли. собр. соч., т. 21, стр. 257—258.

⁷⁶ Там же, стр. 258.

⁷⁷ «Заря Дагестана», № 2, 31 марта 1912 г.

щечеловеческие, общественные идеалы и не дослать свой сердечный привет к далекой могиле великого изгнанника—«Искандера»⁷⁸ (т. е. А. И. Герцена.— Х. Х.).

Для выражения своих общественно-политических взглядов Габиев часто использует художественные образы как наиболее эффективное средство. В этом отношении характерна упомянутая повесть «В народ», носящая автобиографический характер. Главный герой повести — Джейран — знаком с учением Маркса и Энгельса. Он думает о народе, живет его интересами, выступает за революционное преобразование общества. Джейран призывает интеллигенцию пойти «в народ», чтобы поднять его на борьбу против царского самодержавия.

«Пусть многие погибнут в этой роковой титанической борьбе, пусть щепки корабля пристают к желанному (берегу, — говорит герой оповести,—но сознание того, что достигнуто хоть немного, будет поднимать в человечестве веру в свою разумную стихию, тоже не поддающуюся никакому напору»⁷⁹.

В другом месте через главного героя Габиев проводит свою неизменную идею, ради которой он готов пожертвовать жизнью,— страдать и бороться за народ:

«Я думаю только о народе, живу и дышу им. Скорее бы исполнить свой долг и назначение, и умереть бы было не страшно. Счастлив тот, кто умирает с полным сознанием исполненного долга перед человечеством»⁸⁰.

Джейран тесно связан с русским народом, понимает что интересы русского трудового народа связаны с интересами горских трудящихся масс.

⁷⁸ Там же.

⁷⁹ Там же, № 5, 12 июля 1912 г.

⁸⁰ Там же.

Автор повести изображает самые значительные этапы из жизни своего героя, хотя о его связях с (революционерами-студентами, о его революционной деятельности говорит намеками. Образ Джейрана является первым образом революционера-дагестанца.

При всех противоречиях повести «В народ» в нем автор поднялся на ступень выше в оценке многих явлений общественной жизни, на что в свою очередь повлияли идеи революционного марксизма и мощное рабочее движение в России.

Глубокое знание истории, в частности истории России, Арабского Востока, Кавказа и Дагестана, являлось одним из источников исторического оптимизма С. И. Габиева, средством обоснования им своих революционных устремлений.

Габиев пишет: «... история человека не есть лишь случайные обрывки, не имеющие между собой никакой связи, а в ней красной нитью проходит преемственность, то есть то, что мы видим теперь вокруг в нашей жизни, имеет неразрывную связь с прошлым.

И вполне понятно, что, не зная этого прошлого, трудно и даже невозможно дать правильно точное объяснение настоящему и наметить самый лучший путь к будущему»⁸¹.

Исторические факты и события ему нужны были прежде всего для обоснования своей политической программы.

Кроме того, после присоединения Дагестана к России вопрос об изучении истории народов встал остро, ибо надо было осмыслить те экономические, политические и культурные изменения, которые произошли в жизни народов Кавказа за сравнительно короткий срок, надо было понять, к чему приведут эти измене-

⁸¹ С. Габиев. Арабы, ислам и арабо-мусульманская культура, стр. 14.

ния, каково будущее этих народов. Поэтому не случайно во всех его печатных работах вопрос о присоединении Дагестана к России занимает одно из центральных мест.

Габиев правильно показывает, что общественное неравенство и государство с его институтами возникли на определенной стадии развития общества после длительного периода доклассовых отношений. Он еще в своих ранних произведениях высказал предположение, что в основе тех или иных общественных явлений лежат причины экономического характера, чем доказывается несостоятельность учения Корана о божественных истоках общественного строя и классового неравенства⁸².

Хотя Габиев, несмотря на знакомство с эволюционной теорией Ч. Дарвина, не пишет, как появился человек, как он изменялся вместе с общественным развитием и т. д., однако же не говорит и о «божественном первотолчке», как отправной точке хода истории человечества. Он пишет, что человечество прошло длинный путь развития, пока достигло современного уровня, и отстаивает идеи общественно-исторического прогресса⁸³. Эта мысль явно шла в противовес теологической историографии ислама. Современная цивилизация, указывает Габиев, является результатом многовекового исторического развития, в создании которой принимали участие все народы мира: «Языческий мир древней Греции со всей ее культурой и величием пришел в упадок... Переняв от него многое, сохранив и прибавив кое в чем новое, мир первых времен ислама дал варварской тогда христианской Западной Европе очень многое... Затем мусульманский мир и его культура под натиском монгольских орд пришли в упадок, и на

⁸² См. С. Габиев. Лаки. Их прошлое и быт, стр. 10—13.

⁸³ «Мусульманская газета», № 1, 3 ноября 1912 г.

смену ему явилась культурная Европа, которая неизменно шатнула вперед»⁸⁴.

Габиев признает, что в обществе происходит непрерывное движение и развитие, что в нем не может быть застоя, причем самое развитие общества воспринимается как движение вперед, как достижение более высоких ступеней. Он говорит о «классовой дифференциации», о классовой борьбе, о необходимости развития производительных сил.

Чтобы добиться общественного прогресса, необходимо, по Габиеву, судьбу страны вручить не кучке правящего класса, а «самому народу, который и создал свою историю». Причем, продолжает далее Габиев, у народа должен быть руководитель, «народный учитель». «Только такой народ, — пишет Габиев, — может создать силу»⁸⁵.

Габиев признавал борьбу классов, но прогресс общества связывал с борьбой духовной: «Никакой прогресс не мыслим в том обществе, в котором нет борьбы мнений, борьбы идей и идеалов. Борьба — великое дело во всей Вселенной»⁸⁶. Габиев, не отрицая борьбы в материальном и идеальном мире, в то же время не понял, что в антагонистически тех формациях «борьба мнений, идей» является отражением классовой борьбы, которая в свою очередь определяется материальными интересами.

Как известно, Габиев придавал решающее значение в общественном прогрессе просвещению и науке. Но он не игнорировал и роли экономического фактора в развитии общества. Важно, писал Габиев, «чтобы народ сам понял всю неприглядность своего положения и перешел к другим более культурным приемам улучше-

⁸⁴ Там же.

⁸⁵ Там же, № 14, март 1913 г.

⁸⁶ Там же, №№ 16—17, 8 июня 1914 г.

ния своего материального положения... Чтобы сносно жить, необходим подъем производительных сил...»⁸⁷.

Таким образом, в первый период своей деятельности Габиев в общем идеалистически подходил к объяснению общественного прогресса, что не позволило ему правильно определить сущность и истинные причины данного явления.

Одно из центральных мест в творческой и революционной деятельности С. И. Габиева занимали вопросы присоединения Дагестана к России.

Вопрос о присоединении кавказских народов к России стоял в центре внимания не только кавказских, но и русских деятелей общественно-политической и научной мысли. Объяснялось это, с одной стороны, огромным историческим значением присоединения Дагестана к России и, с другой, тем, что горцы Дагестана под руководством Шамиля боролись за свою независимость к национальное освобождение из-под гнета царского самодержавия.

С. И. Габиев в вопросе присоединения отсталых народов к России стоял в целом на позициях прогрессивного революционно-демократического лагеря России, выступавшего в защиту трудового народа, против самодержавного строя, полицейского произвола и политического бесправия масс.

«В истории каждого народа, — пишет С. Габиев, — бывают так называемые «поворотные моменты», лежащие между двумя эпохами народной жизни, как грань двух миров, двух противоположных жизней. Одним из таких поворотных, переходных моментов истории для нас, дагестанцев, и горцев Кавказа вообще»⁸⁸ было присоединение Дагестана к России.

⁸⁷ С. Габиев. Лаки. Их прошлое и быт, стр. 100.

⁸⁸ «Заря Дагестана», № 5 (17), 19 апреля 1913 г.

Этот «поворот от беспросветного к светлому не может не радовать всякого разумного человека», указывает Габиев, ибо «из эпохи войн, бурь и натисков, мы, горцы, переходили в эпоху мирной жизни, спокойного труда»⁸⁹. Отметив, таким образом, правда не без некоторой идеализации, объективно прогрессивное значение этого «поворотного момента в истории дагестанских народов», он в то же время указывает на социальный гнет, колониальную политику царизма, бичует отрицательные стороны управления краем царскими чиновниками и подчеркивает, что «беда лишь в том, что кто-то и что-то постороннее становится поперек пути, и наступление новой жизни тормозится; вместо разумной прямой, получается кривая с большими, печальными зигзагами...»⁹⁰.

Эти высказывания Габиева переплетаются со словами Энгельса с тем, что «... Россия действительно играет прогрессивную роль по отношению к Востоку. Несмотря на всю свою мерзость, господство России играет цивилизирующую роль для Черного и Каспийского морей и Центральной Азии...»⁹¹.

Прогрессивное значение присоединения Дагестана к России состояло, по мнению Габиева, в следующем. Во-первых, все народности Дагестана после его присоединения к России «очутились в совершенно одинаковых условиях как в общественно-политическом, так и в экономическом отношении»⁹². Он понимал, что присоединение Дагестана к России было закономерным итогом всех предшествующих экономических, политических и культурных связей Дагестана с Россией.

После присоединения более или менее интенсивно

⁸⁹ Там же.

⁹⁰ Там же.

⁹¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, соч., т. XXI, стр. 211.

⁹² «Заря Дагестана», № 8 (20), 4 августа 1913 г.

стали развиваться производительные силы, находившиеся до этого в застойном состоянии, расширились и более быстро стали развиваться торгово-экономические отношения.

«Подпав под власть более культурной и более могущественной страны,— писал позднее Габиев,— горцы Кавказа тем самым как бы призывались к новой жиз-

ни по пути европейской цивилизации»⁹³.

Во - вторых, был положен конец межплеменной вражде народностей Дагестана, а также грабежам и набегам на соседние кавказские народы, на счастливую, богатую Грузию и вообще Закавказье; с покорением Кавказа Россией набеги — эти подспорья горской жизни — стали немыслимы...⁹⁴.

В своем стихотворении «Прошли те времена», написанном в 1904 году, Габиев замечает:

Нет теперь беспокойных тех войн,
Исчезнувших «героев» времена, Как
прежде на чужие места, Войска
совершали набеги, грабежи⁹⁵.

В-третьих, Дагестан был избавлен от опасности порабощения Турцией и Персией, которые постоянно совершали набеги, сопровождавшиеся грабежами и жестокими насилиями. В своем произведении «Лаки. Их прошлое и быт» Габиев подробно останавливается на борьбе Дагестана против иноземных захватчиков⁹⁶.

Территориальная раздробленность и политическая разобщенность, крайняя экономическая и культурная отсталость Дагестана того периода, конечно, не могли

⁹³ «Красный Дагестан», № 183, 13 августа 1925 г. ^{9*}

«Заря Дагестана», № 8 (20), 4 августа 1913 г.

⁹⁵ Рукописный фонд ИИЯЛ Дагестанского ФАН СССР, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 141, д. 1849, л. 9.

⁹⁶ См. С. Габиев. Лаки. Их прошлое и быт, стр. 88.

создать реальных условий для самостоятельного государственного существования народов Дагестана. «И древние персы, и римляне времен Помпея и античные греки, ходившие в поход Аргонавтов за золотым руном на Кавказ, и арабы, и монгольские орды Тамерлана, и персы Надир-шаха, и турки...—все побывали тут...»⁹⁷ — пишет Габиев, подчеркивая многовековую борьбу горцев за свою независимость.

Действительно, Дагестан, расположенный на путях, ведущих из Европы в Азию, в течение продолжительного времени являлся ареной постоянных войн и бесконечных нашествий иноземных завоевателей. В неравной борьбе народы Дагестана не раз попадали под иго арабских, татаро-монгольских, турецких, иранских и прочих завоевателей. Вхождение же Дагестана в русское государство перечеркнуло захватнические планы иноземных поработителей.

В-четвертых, после присоединения Дагестана к России у дагестанских народностей появилась возможность приобщиться к передовой русской и мировой культуре.

И поэтому, начиная с первых же дней своей творческой деятельности и до конца всей долгой жизни, С. И. Габиев подчеркивал прогрессивное значение присоединения народов Дагестана к России.

Любя свой народ, Габиев неустанно пропагандировал идеи дружбы с русским народом, с самым революционным народом того периода: «Судьба Дагестана неразрывно связана с Россией, так что счастье первого заключено в счастье второй... И нам, дагестанцам, остается только пойти с ним (с русским народом. — Х. Х.) по-братски, рука об руку»⁹⁸. В то же время он указывает, что есть две России, Россия «пуришкевичей, гучковых, распутиных,.. которые неуклонно ведут ее

⁹⁷ «Красный Дагестан», № 183, 15 августа 1926 г.

⁹⁸ «Революционный горец», № 5, 12 июля 1912 г.

к краху», - это казенная Россия, являющаяся врагом горцев. «Нам же нужна, — восклицает автор, — другая Россия — Россия великая, братская»⁹⁹.

Научную и публицистическую деятельность Габиев использовал для осуществления благородной задачи духовного сближения дагестанского и русского народов, приобщения Дагестана к прогрессивной культуре России.

В упомянутых выше работах, в многочисленных статьях, устных выступлениях ученый знакомит широкий круг читателей, своих слушателей с культурным и историческим прошлым Дагестана, показывает благородные черты характера горцев. Тем самым он содействует созданию предпосылок для развития дружбы русского и дагестанского народов. Габиев был убежденным интернационалистом и остался таким до конца своей жизни: «Для меня, — пишет он еще в 1921 году, — нет не только племенного различия в родных горах и на всем Кавказе, но за пределами его я убежденный поклонник братства и единения народов»¹⁰⁰.

В то же время он не затушевывал существование социального и политического гнета, а скорее, наоборот, каждый раз, подчеркивая прогрессивное значение присоединения к России, показывал отрицательные стороны политики самодержавия, направленной на обрусение и духовное порабощение народов Дагестана.

«Когда русская государственность, — пишет ученый, — вносит... истинную культуру, это я понимаю и перед таким достойным уважением фактом я преклоняюсь. Когда же... хотят с помощью своей школы внести к нам что-то специфически свое, животно-националистическое, когда нас, горцев, хотят обрусить, я протестую и протестую всеми фибрами своей души гражданина

⁹⁹ Там же, № 2, 31 марта 1912 г.

¹⁰⁰ «Заря Дагестана», № 2, 31 марта 1912 г.

и человека. Я не только ненавижу этих «русификаторов», я презираю их»¹⁰¹.

Габиев был убежден в том, что трудовой народ Дагестана избавится от своих угнетателей и обретет свободу и счастье только в совместной борьбе с великим русским народом, только с его помощью.

Габиев много статей писал о тяжелом положении мусульман в России, о том, что они лишены элементарных человеческих прав. Но из этого не вытекает, что автор придерживался панисламистских идей.

«Если мы посвящаем свою газету (речь идет о «Мусульманской газете». — Х. Х.), — писал Габиев, — только защите интересов мусульман, и то лишь потому, что мусульмане находятся в особых условиях и у них нет своей газеты, отражающей нужды их двадцати миллионов в России»¹⁰². Во всех статьях С. И. Габиев проводит идею дружбы, братства дагестанских народов с русским и другими народами, населяющими Россию. «Мусульмане верят, — продолжает он, — в торжество демократии и братства народов»¹⁰³.

Эти идеи в специфических условиях национальных окраин имели тогда прогрессивное значение.

Мы любим Россию, указывает Габиев, она «стала нашим отечеством», но из-за колонизаторской политики царизма «нам трудно стало жить»¹⁰⁴.

Царское правительство потопило в крови революцию 1905 года, усилило политику преследования прогрессивных, революционных деятелей, довела народные массы, особенно на окраинах, до нищеты и бесправия. Положение горских масс стало особенно невыносимым в период первой мировой войны. Поэтому Габиев и го-

¹⁰¹ Там же, № 6 (18), 4 мая 1913 г.

¹⁰² «Мусульманская газета», № 8, 30 января 1913 г.

¹⁰³ Там же.

¹⁰⁴ Там же, №№ 10—11, 28 марта 1914 г.

ворит, что горцам «трудно стало жить» до невыносимости.

После Февральской буржуазно-демократической революции, в период подготовки социалистической революции, направленной на изменение существовавшего социально-экономического строя, Габиев, сторонник союза с великим русским и другими народами, понимая этот союз с марксистских позиций, как союз рабочих и крестьян и всех угнетенных, который необходим для социального и политического освобождения от ига капитала и капиталистов, писал: «Наше спасение только в братском марше с Красным Знаменем социальной революции, с Советской Россией. Пора раз и навсегда принять одну и единственную ориентацию и сказать всем с товарищем И. Базаркиным (автор статьи в № 4 «Революционного горца»): «С тобой, благородный русский народ, мы связали нашу судьбу. И если тебе суждено будет погибнуть в неравном бою, то вместе с тобой погибнем и мы, горцы, защищая свободу»¹⁰⁵. Габиев призывает крепить эту дружбу с русским народом, ибо «счастье и спасение горцев в единении с Советской Социалистической Россией»¹⁰⁶.

После свершения социалистической революции и установления Советской власти Габиев, говоря о правах и обязанностях народов Дагестана в связи с объявлением автономии, писал:

«Дагестан отныне раскрепощен от всех исторических пут деспотической и клерикальной кабалы. Волей многомиллионного русского пролетариата и крестьянства дагестанские народы призваны самим стать вершителями своих судеб.

... Теперь, получив свободу, отнятую у них семьдесят лет назад царской Россией, из рук русского

105 «Революционный горец», № 7, 15 ноября 1918 г.

106 Архив Дагобкома КПСС, ф. 2370, оп. 5, ед. хр. 88, л. 30.

пролетариата и крестьянства, дагестанские трудовые массы из врагов царской России превращающий в друзей и братьев той же России, но уже советской, социалистической. Именно эта автономия и создала теперь неразрывные узы братства между русскими и дагестанскими народами.

И если когда-либо в душе дагестанского бедняка тлела искорка желания отойти от угнетавшей его царской России, то теперь этому желанию места нет и не должно быть по отношению к советской, рабоче-крестьянской стране, вернувшей ему его потерянную в кровавой борьбе свободу»¹⁰⁷.

* * *

Среди дагестанских мыслителей первой четверти XX в. С. И. Габиев был одним из самых горячих борников просвещения. Прекрасно понимая, что дагестанские народы страшно отстали в своем развитии, и объясняя это низким уровнем науки и просвещения, он указывает, что народам Дагестана необходимы реальные условия, для того чтобы они могли «пользоваться всеми благами культуры России. Во все тущобы лезгинских (т. е. дагестанских.— X. X.) гор нужно внести благородный свет науки и знаний¹⁰⁸. Со страниц своих газет он вел систематическую борьбу с невежеством и тьмой, не уставал страстно призывать дагестанцев следовать цивилизации, достигшей в Европе и России высокого уровня.

В первый период своей творческой деятельности ученый, как мы уже говорили, сознательно ставил

¹⁰⁷ «Советский Дагестан», № 80, 25 сентября 1920 г. ¹⁰⁸ Рукописный фонд ИИЯЛ Дагестанского ФАН СССР, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 142, л. 15.

перед собой просветительские Задачи, горячо призывал взяться за просвещение, ибо только оно, по его мнению, способно вывести народ к свету и сделать его жизнь счастливой. «Для правильного развития страны, — пишет он, — необходимо учреждение общих и национальных школ»¹⁰⁹.

Это он пишет в 1906 году. Спустя шесть лет вновь указывает: «Только в школе наше спасение, только просвещенные граждане могут закладывать прочный фундамент светлого будущего родного Дагестана...»¹¹⁰.

Говоря о просвещении, Габиев первостепенное значение справедливо придает школе: «Где же тот самый лучший и единственный путь, пройдя по которому, ищущее человечество придет к лучшему? Путь этот лежит в просвещении ума и просветлении души. Первое достигается наукой, второе благонравственным воспитанием. То и другое дается школой. Следовательно, нам необходима именно школа»¹¹¹.

«При одном разговоре о существующих у нас школах, должно быть, — продолжает далее Габиев, критикуя существовавшую систему школьного образования, — великие покойные педагоги Песталоцци, Амос Каменский и Ушинокий тяжело переворачиваются в могилы ах... Это ведь не школа, а форменное издевательство над душой ребенка»¹¹².

Он понимает, что как бы сильно не было влияние культуры извне, однако, если массы отстали, и некому сеять эту культуру, просвещение, школы не достигнут цели. «Опять и тысячу раз повторяю: нам сейчас прежде всего нужны школы и школы, ибо, какие бы блага культуры не вносились в горы, они будут цветами на

¹⁰⁹ С. Габиев. Лаки. Их прошлое и быт, стр. 100.

¹¹⁰ «Заря Дагестана», № 2 (14), 28 февраля 1913 г.

¹¹¹ Там же, № 3, 30 апреля 1912 г.

¹¹² Там же.

чуждой почве, если мы не понимаем их, не знаем способов разумного пользования ими, чему научит нас только лишь школа, исконно рационально поставленная и отвечающая современной жизни и современной педагогике...»¹¹³.

В статье «Наша школа» Габиев раскрывает основные причины отставания дагестанских школ, к которым он относит: «1) узость учебной программы, 2) отсутствие достаточно подготовленных учителей, знающих языки, на которых говорят дети туземного населения, 3) отсутствие всякой разумной планомерности в ведении учебного дела...»¹¹⁴. Говоря о недостатках тогдашней дагестанской школы, он неустанно подчеркивал, что «рассадником культуры» она может стать тогда, когда в ее основу будут положены «истинно педагогические задачи воспитания и просвещения народа».

Обосновывая необходимость открытия школ для детей горцев, он начинает свою статью так: «В стране, где много школ,— как показала уже практика жизни современных цивилизованных народов,— мало тюрем. И это вполне понятно, ибо школа, как проводник культуры, будит в людях самосознание, смягчает нравы, приучает уважать личность и порождает вообще многое хорошее». При этом автор не отделяет просвещение горцев от просвещения России: «Судьба Дагестана неразрывно связана с Россией»¹¹⁵.

В «Заре Дагестана» Габиев беспощадно критиковал представителей «народного затемнения» вроде Пуришкевича и Маркова, которые не только проводили реакционную верноподданническую политику в школах колониальных окраин России, но и почти не уделяли

¹¹³ «Заря Дагестана», № 1, 28 февраля 1913 г.

¹¹⁴ Там же, № 2, 31 марта 1912 г.

¹¹⁵ Там же, № 7, 21 сентября 1912 г.

внимания истинному просвещению. Габиев выступал также против передачи в руки духовенства дела обучения и воспитания подрастающего поколения. В статье, посвященной Башкирии, «Мусульманская газета» бросает прямой вызов «погубившему цивилизацию духовенству...». «Вырвать бы дело просвещения из грубых рук фанатиков... Удалить бы ноющий нарыв с нашего истрадавшегося организма»¹¹⁶, — восклицает автор.

Ученый много писал о значении разных профессий, о значении естественных и других наук в различных сферах общественной жизни. При этом он исходил из необходимости связи теории с практикой, с конкретной деятельностью людей, из необходимости учитывать особенности и исторические условия жизни своего народа. «Так как,— пишет Габиев,— округа Дагестана находятся в различных условиях племенных особенностей, природных даров и т. п., то, конечно, каждому округу нужно дать такой тип профессиональной школы, который наиболее отвечал бы потребностям населения»¹¹⁷.

В деле просвещения народных масс Габиев возлагает большие надежды на местную интеллигенцию. Но многие из них не выполняют своей благородной роли просветителя, довольствуясь мещанской жизнью: «И положение этого большинства мусульман-интеллигентов характеризуется самым обычным довольством мещанской сытости... И вполне понятно, что жизнь этого большинства мусульман-интеллигентов текла просто, без каких бы то ни было бурь, общественных чаяний и верований во что-то лучшее, грядущее»¹¹⁸.

116 «Мусульманская газета», № 7, 23 февраля 1914 г.

117 «Заря Дагестана», № 3, 30 апреля 1912 г.

118 Рукописный фонд ИИЯЛ Дагестанского ФАН СССР, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 141, л. 41.

Поэтому Габиев призывает интеллигенцию активно вторгаться в жизнь, возглавить борьбу за обновление дагестанского аула. В этот период ученый видит в образованной части общества тех, кто должен заняться просвещением народа.

Габиев, указывая на консервативность мусульманского религиозного образования, требует его коренной реформы, подчеркивает прогрессивность светского русского образования в дореволюционном Дагестане.

Уверенный в том, что «Дагестан должен бесповоротно вступить в новую жизнь, требующую уже проявления не только физической и моральной, но и умственной мощи»¹¹⁹, Габиев резко критикует царскую администрацию, «деятельность» ее представителей, мешающих, по его мнению, просвещению масс.

Габиев понимает, что «ценность государства поднимается сообразно росту или вообще степени его культуры»¹²⁰, поэтому призывает массы неустанно трудиться, идти по пути прогресса, чтобы подняться на уровень передовых народов России.

Он с большим уважением пишет о передовых ученых России, борющихся за создание родных школ на местах. «Сорок лет назад,— пишет Габиев об одном из них,— известный лингвист П. К. Услар, беспощадно осудив «русификацию» горцев, создавал у них родную школу. Если ему не удалось осуществить заветную мечту своих последних лет, то этому помехой были те же «русификаторы», находившие его работы опасными»¹²¹.

Габиев придавал большое значение родному языку: «Они, эти г. г. Пуришкевичи, Марковы, делают злое, злое дело: они покушаются на святая святых — на

¹¹⁹ «Заря Дагестана», № 2, 31 марта 1912 г.

¹²⁰ Там же, № 8 (20), 4 августа 1913 г.

¹²¹ «Дагестанские областные ведомости», 1 августа 1910 г.

мое «я», на мой родной язык». Он считал, что детей надо обучать «на понятном для них, впитанном с молоком матери языке»¹²². Неспроста в газете «Заря Дагестана» много писалось о недовольстве дагестанской бедноты политикой царского самодержавия в связи с введением в сельских управлениях русского письменом сознании горских масс.

В антагонистическом обществе просвещение и культура не могли дать того, к чему стремились трудящиеся, а в условиях самодержавной России царизм не допустил бы этого. Школа и образование, как явления надстроечного характера, не могли дать народу самого необходимого — экономической независимости и, следовательно, политической свободы, гражданских и демократических прав.

Несмотря на многие правильные высказывания, Габиев не видел главных препятствий, стоящих на пути просвещения народа, он еще не понял, что «люди суть продукты обстоятельств и воспитания, что, следовательно, изменившиеся люди — это продукты иных обстоятельств и изменившегося воспитания»¹²³. Стало быть Габиев тогда еще не понял законов общественного развития, полагая, что наука, школа, воспитание в рамках существовавших тогда общественно-экономических отношений способны внести коренные изменения в жизнь народа.

При этом, конечно, надо учесть, что в условиях царской цензуры трудно было открыто выступать против общественных порядков, которые узаконили несправедливость, невежество, произвол. Габиев писал

¹²² «Заря Дагестана», № 6 (18), 4 мая 1913 г.; см. также газ. «Северный Кавказ», № 147, 3 июля 1913 г.

¹²³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Избр. произв., т. II, 1952, стр. 384.

поэтому поводу: «Что бывает в газете — это сотая доля того, что действительно есть, к чему я стремлюсь»¹²⁴.

Несмотря на существенные недостатки, его благотворные идеи о просвещении дагестанского народа на основе приобщения его к русской культуре, об открытии школ, об обучении в них мальчиков и девочек, об использовании знаний для борьбы с общественными пороками имели огромное значение в дореволюционном Дагестане.

Габиев задумывался над вопросом, почему даже в цивилизованных странах народ в основном оставался непр просвещенным; каким путем можно обеспечить подлинный расцвет просвещения и национальной культуры. Поиски ответа на этот вопрос приводят его к выводу, что для решения проблемы просвещения масс необходимы прежде всего революционные преобразования, необходима социальная революция. Поэтому Габиев с радостью встречает Февральскую революцию, ошибочно считая ее способной решить все вопросы, в том числе вопросы народного образования.

На первом так называемом съезде Союза объединенных горцев Кавказа, состоявшемся в мае 1917 года, С. И. Габиев, возглавлявший школьную секцию, выступил с докладом, где отмечал: «лучшим проводником положения нашего должна явиться наша же родная общедоступная национальная школа и только школа, этот рассадник в народе света и пробуждения его самосознания может сделать то, чего не сделает другое в смысле прочного засеяния поля нашего Союза (имеется в виду Союз объединенных горцев.— Х. Х.). Перевоспитание людей в духе истинной гуманности возможно только при преобладающем положении

¹²⁴ Краеведческий музей ДАССР, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 18, д. 319, л. 8.

в обществе школы. Школа должна служить истинным целям прогресса, всестороннего глубокого влияния знания на всю природу человека... Все школы, начиная от начальных и до университета, должны иметь непосредственную связь. Необходимо также, чтобы каждое учебное заведение представляло из себя нечто законченное, пригодное к практической жизни»¹²⁵.

В резолюции, внесенной С. И. Габиевым на этом съезде, предлагалось светское образование, всеобщее, обязательное и бесплатное обучение, первые два года обучение вести на материнском, родном языке с введением с третьего года обучения арабского и русского языков, говорилось о необходимости профессионального образования, обучения горянок и т. д.¹²⁶.

Однако С. И. Габиев вскоре понял, что ни Союз объединенных горцев, ни Февральская буржуазно-демократическая революция не в силах решить вопрос о народном просвещении, что они и не заинтересованы в практическом претворении данного вопроса.

Он пришел к выводу, что решение вопроса народного образования возможно только после свершения социалистической революции и установления Советской власти.

Как известно, в марте 1919 г. на VIII съезде партии была поставлена задача довести до конца начатое Октябрьской революцией дело превращения школы из орудия классового господства буржуазии в орудие полного уничтожения деления общества на классы, в орудие коммунистического перерождения общества.

¹²⁵ А. Тахо-Годи. Революция и контрреволюция в Дагестане, Махачкала, 1927, стр. 153—154.

¹²⁶ Там же, стр. 154. Здесь же отмечалась необходимость введения закона божьего, что являлось уступкой духовенству, которое на данном съезде составляло подавляющее большинство.

В Дагестане, несмотря на трудности, вызванные империалистической и гражданской войнами, сопротивление контрреволюционных элементов и саботаж некоторой части учителей, Коммунистическая партия и Советское правительство создавали новую школу.

За короткое время Военно-революционный комитет Дагестана (председатель Д. Коркмасов), где С. Габиев занимал пост заведующего отделом внутреннего управления, проделал значительную работу в области просвещения. В частности, Комитет провел совещание работников учебных заведений, созвал в августе 1918г. первый Дагестанский областной съезд учителей.

После окончательного установления Советской власти в Дагестане областной Военно-революционный комитет создает аппарат для руководства делом народного просвещения. С 20 августа 1921 г. начал свою работу Народный Комиссариат просвещения Дагестанской республики.

Став первым народным комиссаром просвещения Дагестана, Габиев отдает все свои силы и способности делу народного образования. Несмотря на невероятно трудные условия, отсутствие материальной базы, педагогических кадров, Габиев принимает решительные меры к открытию светских школ, охвату дагестанцев всех возрастов и обоих полов этими школами.

В 1921 г., будучи наркомом просвещения, Габиев выступил с докладом перед работниками просвещения. Он подробно обрисовал состояние народного образования, рассказал о мерах, необходимых для поднятия просвещения в Дагестане¹²⁷. Особенно волновал Габиева вопрос о вовлечении женщин в школы. Он ратовал за создание им льготных условий, привлечение их к партийно-советской и хозяйственной работе. Он призывал женщин учиться, активно участ-

¹²⁷ См. «Советский Дагестан», № 183, 12 октября 1921 г.

воват в общественной жизни, широко пользоваться теми правами, которые дала им Советская власть.

В 1945 году Сайд Ибрагимович в своем ответном письме преподавателям и учащимся Кумухской средней школы по случаю 50-летия школы писал о старой школе: «Нечего говорить о том, что она была в ту пору во всем округе одна и единственная и в себя вобрала лишь очень небольшое количество детей, да .и тех не из народной массы, а из, так сказать, только верхов. Царская власть пеклась не о том, чтобы дать народам Дагестана культуру, а через эту школу готовила себе преданных, хотя и полуграмотных, прислужников. И только редкому счастливцу из низов народа удалось попасть в эту школу и пойти еще дальше»¹²⁸.

Габиев уверен, что советская школа, руководимая ленинской партией, «базирующаяся на русской культуре, выведет все горские и негорские народы на светлый путь «грядущего человечества»¹²⁹.

Поставив вопрос, кого мы должны воспитывать, Габиев подчеркивает, что «должны воспитывать сильных телом и духом строителей будущего коммунистического общества, мужественных и смелых бойцов, умеющих защищать родину победившего социализма, нашу великую необъятную Страну Советов, страну братства народов, во главе с братским русским народом идущих к светлому грядущему»¹³⁰.

* * *

Для того чтобы всесторонне рассмотреть мировоззрение С. И. Габиева, нам кажется уместным подвергнуть анализу его взгляды о месте и роли поэта в общественной жизни.

¹²⁸ Рукописный фонд ИИЯЛ Дагестанского ФАН СССР, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 142, лл. 16—17.

¹²⁹ Там же, лл. 18—19.

¹³⁰ Там же, лл. 19—20.

Габиев не писал специальных работ по эстетике, где ставился бы и решался вопрос об отношении искусства к действительности. Тем не менее в своем поэтическом творчестве он определенным образом ставил и решал данный вопрос.

Представители «чистого искусства» и других идеалистических направлений считали, что поэт—«избранник неба»—не должен вмешиваться в общественную жизнь, не должен писать о народе, о его интересах, желаниях и стремлениях. Он должен воспевать любовь, природу и т. д. Тот поэт, который выражает и защищает интересы народа, не является поэтом, и его творчество нельзя считать поэтическим.

Представители же реалистического направления в литературе в своем подавляющем большинстве выступали против такого понимания места и роли поэта в общественной жизни, они стояли за его активное вмешательство в жизнь, за правдивое ее отображение. В этом вопросе большое влияние на Сайда Габиева оказали великие русские поэты Пушкин, Лермонтов, Тютчев, Жуковский; они были его поэтическими учителями. Еще в 1902 году, подражая им, он пишет стихи «Дума», «К морю» и др.

В стихотворении «Поэту», написанном в 1909 году, С. И. Габиев ставит такие задачи перед поэтом, которые говорят о правильном понимании им места писателя в общественной жизни. Поэт должен высоко поднять светильник и просветить умы смелых; опорой его должен быть народ, которому он служит и отдает всего себя; поэт, преданный народу, не должен бояться трудностей и препятствий:

Пока силы в тебе, работай во всю, Не
теряй надежды на идущих вслед. С
крепким обетом за лучшим для всех
Иди, светильник свой гордо подымав...
Иди, буди всех спящих во тьме,

Единый всех, кто подавлен нуждой. Поэта
песнопения пусть полюбят они, Пусть
встанут под знамя гурьбой¹³¹.

Говоря о судьбе поэта в современном ему капиталистическом обществе, Габиев описывает взаимоотношения между ним и «толпою», непонимание и вражду «толпы» к поэту. Под «толпой» поэт в данном случае подразумевал не народные массы, а «рабов мищурной жизни...», «рабов бездушья». Габиев пишет:

Вы хотите, чтоб поэты
Пели песни, псалмы свои
На заказ толпы, приветы,
Как когда-то в оны дни?

Знай же, раб мищурной жизни,
Что поэта песни святы, Не для
вас, рабов бездушья, Жизни
нашей красота¹³².

Поэтому, несмотря на трудности, поэт должен петь о народе, о его лишениях и страданиях, выступать против зла и несправедливости, призывать к борьбе за свободу:

Не для вас я песнь слагаю,
Чтоб слышать только стих,
Нет! Пою я и страдаю За
голодных и сирых¹³³.

И далее:

Песнь моя, мои мотивы, Не
смутят вам ум больной¹³⁴.

¹³¹ Там же, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 141, д. 1849, л. 20.

¹³² Там же, лл. 24—25.

¹³³ Там же, л. 24.

¹³⁴ Там же.

ибо не в классовых интересах богачей, когда поэт страдает «за голодных и сирых».

На формирование С. Габиева как прозаика и публициста большое воздействие оказало творчество Герцена и Чернышевского. Огромно было влияние Горького. Как мы уже говорили, призывы горьковской «Печени о Соколе» нашли отражение в образе Джейрана—главного героя его повести «В народ». Обращаясь к Джейрану, знакомая девушка говорит, что теперь у всех на устах Маркс, Энгельс и социализм. И тут же, чтобы подчеркнуть, как сильно влияние идей социализма на массы, Габиев устами героя говорит: «Я больше чем уверен, что никакие теории, никакие учения мира не устоят перед гигантским напором социализма. Я твердо верю в это и, не колеблясь, пойду к плахе за светлые идеи единения человечества. Теперь нам нужно только побольше отваги. Невзирая ни на какие жертвы, несмотря на все страшные трения, мы должны пойти в народ, разбудить его и протереть сонные глаза. Мы расскажем ему радостную повесть о том, как кончаются все страдания одних и пресыщенность других, как замолкнут скоро все стоны и стенания.

И тогда, тогда?! Это не мечты, не фантазия,— мы хором споем гимн победный торжеству социализма и безумству храбрых, не жалевших себя ради блага народа»¹³⁵.

Его герой не ограничивается просвещением народа. Он активно вмешивается в жизнь, осуждает плохое, разоблачает пороки современного ему общества, он борется не только за духовное, но и социальное, политическое освобождение своего народа, за торжество социализма.

Как известно, свободолюбивый народ Дагестана выражал свои чаяния, мысли, стремления и в устном

творчестве. В эпических произведениях, бытовых и обрядовых песнях, сказках, легендах отражались социально-экономические отношения, классовые противоречия, быт и обычаи, мировоззрения различных социальных групп.

Среди произведений устного народного творчества были и такие, которые осуждали бесчинства и произвол ханов и феодалов, их эгоизм, порочность и воспевали справедливость, гуманность, героизм, самоотверженную борьбу за интересы народа. Эти произведения отражали чаяния и демократические стремления угнетенных масс. Иначе говоря, устное народное творчество по своему идейному содержанию носило классовый характер, отражало интересы определенных общественных сил. Считая произведения народного творчества отражением общественной жизни, Габиев указывает на необходимость использования их при изучении истории и быта того или иного народа.

С другой стороны, поскольку он в устном народном творчестве видит отражение исторической и духовной жизни людей, отсюда вытекает, что духовные явления в жизни народа имеют своим источником окружающую общественную среду, общественное бытие. Причем, характерные факты, события, явления из жизни дагестанского народа Габиев освещает под углом зрения прогрессивных идеалов, почерпнутых им из передовой русской общественно-политической мысли.

Н. Каляева, имевшая неоднократные беседы и переписку с С. Габиевым, отмечает его отрицательное отношение к некоторым лирическим поэтам XIX века. «Мы много говорили с Саидом Ибрагимовичем о дагестанской поэзии,— пишет Н. Каляева.— Человек широко образованный, он в некоторых своих суждениях о литературе был «пуристом». Одним из таких его литературных «заблуждений» был взгляд на лирическую поэзию. Права на гражданственность содержания, а тем

более на революционность он почему-то за лирикой не признавал. «Лирическое» для него было равнозначно «любовному».

Как отмечает Н. Капиева, такой ригористичный взгляд Габиева на творчество Етима Эмина, Юсупа Муркелинского, Махмуда и др. был ошибочным. Ведь любовная лирика этих поэтов сыграла большую роль в жизни народов Дагестана этого периода. В их творчестве красной нитью проходят идеи критики ислама и адата, разоблачение (Существовавших порядков, хотя они не поняли из-за исторических условий силы, способной привести народ к освобождению и счастью).

Из всего сказанного можно сделать вывод, что Габиев в основном правильно понимает сущность искусства. Он не считал поэзию вымыслом отдельных людей, результатом их фантазии, «е имеющей никакой почвы в реальной действительности. Хотя в его произведениях мы не находим научного определения, говорящего о том, что искусство есть отражение жизни, но смысл его рассуждений сводится к этому.

Он ставил своей целью коренным образом изменить в обществе взгляды на искусство¹³⁷, в частности на поэзию, изменить цель и назначение искусства, поднять его роль и значение в общественной жизни.

* * *

Как показывает анализ деятельности С. И. Габиева и его произведений, социально-политические взгляды ученого проникнуты духом непримиримости к существ-

¹³⁶ Н. Капиева. Сайд Габиев. Журн. «Дон», 1963 г., № 7, стр. 177.
¹³⁷ См. архив Дагобкома КПСС, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 2197, л. 43.

вовавшим в дореволюционной России и Дагестане общественным порядкам. Еще в дооктябрьский период мы находим в его творчестве революционно-демократические идеи, призывы к социальной революции.

Его идеи дооктябрьского периода являлись как бы дальнейшим развитием прогрессивной, демократической мысли в Дагестане. Они отражали настроения угнетенных горских масс, стихийно тянувшихся к великим социалистическим идеалам, но не успевших ещё сознательно их усвоить.

Эти настроения масс и получили своеобразное преломление в его произведениях.

Можно смело предположить, что до Февральской революции он был знаком с марксистско-ленинским учением. События в центре России и на Кавказе, революционный подъем народа оказали огромное влияние на его мировоззрение. Как ученый и революционер, всегда до глубины души сочувствовавший угнетенным массам, он сознательно выступал за социальную революцию, но в то же время в тот период он ясно не усвоил сущности революционного учения большевиков, коренное отличие социалистической революции от всех других революций.

Еще в первый период своей деятельности Габиев понимал, что без социальной революции, без свержения существующего общественно-политического и социально-экономического строя народные массы не смогут добиться освобождения от экономических и политических пут, не смогут заложить основы новой, свободной и счастливой жизни.

Особенно плодотворной была деятельность Габиева как редактора газеты Терской республики «Революционный горец». Здесь Габиев выступил как революционер, решающий многие вопросы борьбы и строительства с позиций большевизма; он показал себя опытным и талантливым публицистом, бичующим все,

что мешало прогрессивному движению и общественному развитию. Определяя задачи редактируемой им газеты, в ее первом же номере Габиев указал, что «Революционный горец» зовет всех горцев под свое Красное знамя, под знамя Российской Социалистической Федеративной Советской Республики»¹³⁸.

На страницах этой газеты Габиев с присущей ему страстностью и остроумием разоблачает врагов народа, помогает трудовым массам разобраться в совершающихся сложных событиях, решительно отстаивает и последовательно пропагандирует идеи Советской власти.

В статье «25-е Октября и горцы Кавказа», помещенной в газете «Революционный горец», Габиев раскрывает сущность Февральской революции. Он указывает, что народные массы, жаждущие свободы, «испытывавшие на себе «прелести» произвола псов деспотической России — чиновников, с большим энтузиазмом приветствовали Февральскую революцию... Но,— пишет далее Габиев, — недолго продолжалось искреннее ликование народа, готового идти в огонь и воду за теми, кто свергнул позорное иго царизма.

Вместо железных клещей жандармского строя, горские массы незаметно для них самих, по выражению меткой русской поговорки «мягко стелит, да жестко спат», стали обвивать мелкие шулальцы буржуазно-чиновного сброда князей, беков, офицерства и всей либеральничавшей горской интеллигенции с фанатичными шейхами и лавочниками-мародерами...»¹³⁹.

«Одуроченные их панисламистскими и пантюристскими выкриками, народные массы горцев,— пишет Габиев,— начинали прозревать, они ясно поняли теперь,

¹³⁸ Архив Дагобкома КПСС, ф. 2370, оп. 5, ед. хр. 105, л. 212.

¹³⁹ Там же, л. 213.

что не в шейхах и шариате, не в контрреволюционной интеллигенции их счастье. Опасение в себе самих, в своей народной власти, в тех, кто беззаветно отдает свою жизнь за интересы горских трудовых масс»¹⁴⁰. Далее он пишет, что социализм — не просто нравственный постулат, а выражение стремлений пролетариата, результат экономического развития и обусловленных им классовых битв.

И в заключение своей статьи подчеркивает, что единственная форма правления страной, которая выведет ее из рабства на светлый путь, есть Советская власть.

В своих статьях, напечатанных в газетах «Революционный горец», а затем «Советский Дагестан» и «Красный Дагестан», а также в историческом очерке «Мюридизм на Кавказе», написанном в 1924 году и напечатанном в газете «Красный Дагестан», он объясняет религию с марксистских позиций и показывает ее классовые корни.

В работе «Мюридизм на Кавказе» Габиев возвращается к вопросам, затронутым в исследовании «Арабы, ислам и арабо-мусульманская культура», и уже с марксистских позиций решает их, что говорит о коренной ломке его воззрений. В ней С. И. Габиев делает попытку проследить историю формирования мюридизма на Северном Кавказе, показать его роль в движении горцев под руководством Шамиля.

Такая попытка делалась и до Габиева. Вся дореволюционная и нынешняя буржуазная историография, да и сам Габиев в дореволюционной творческой деятельности (в отдельных случаях), борьбу горцев против царизма объясняли мусульманским фанатизмом. Абстрактные, чуждые народу лозунги газавата выдавались за действительное содержание народной борьбы.

140 Там же, л. 114.

В своем труде Габиев поставил задачу показать народное движение, выявить его классовое содержание, разглядеть в религиозных мотивах реальные, «земные» мотивы, раскрыть идейное содержание мюридизма. Это в основном ему и удалось сделать. Он правильно указывает, что «религия... была призвана как начало, объединяющее всех «верующих» в протесте против всего тогдашнего социально-политического уклада», что народные массы приходили в движение из-за «и экономически и политически невыносимой обстановки, когда внутри страны насилиям не виделось конца краю,.. а извне все сильнее напирал империализм...»¹⁴¹.

Интересно, как объясняет Габиев события 1917—1920 гг., связанные с установлением Советской власти на Северном Кавказе, активным участником которых являлся сам он.

Габиев подробно останавливается на клерикальном движении Гоцинского и Узун-Хаджи. Он отмечает, что «было бы странно, если бы нашлись еще чудачки, которые думали бы, что можно вернуть времена крестовых походов с босоногим Петром Амьенским во имя «освобождения проба господня» и эпоху шейх-Мухаммеда Ярагского во имя «чистоты ислама», и в связи с этим указывает: «Однако нельзя ни на минуту упускать из виду того обстоятельства, что в отсталых мусульманских странах религия еще и по сей день играет значительную роль в массах и искорки Иверы в «святое очищение» еще тлеют во многих уголках и что на этих больных струнах невежественной массы еще кое-как кое-кто может наигрывать»¹⁴². Габиев рисует движение Гоцинского) как контрреволюционное, поддерживаемое внешней и внутренней реакцией, останавливается также на путях и методах преодоления религии, далее

¹⁴¹ «Красный Дагестан», № 114, 24 мая 1925 г.

¹⁴² Там же, № 122, 2 июня 1925 г.

говорит о необходимости улучшения быта и материального положения масс после ликвидации социальных корней — эксплуатации и классов. «Только через школу всякого типа и всех ступеней, — пишет Габиев, — через создание промышленно-пролетарского горнила и большую работу агрокультурного характера в хозяйстве с широкой сетью дорожностроительных мероприятий можно приблизить и вовлечь горцев Кавказа в общечеловеческую братскую семью народов»¹⁴³.

«Одно лишь несомненно, — продолжает он, — что при современных социально-экономических условиях государственного бытия не только советской структуры, а даже и буржуазно-капиталистических форм, вопросы религий и построенных на их основаниях каких бы то ни было учений — самодовлеющими началами для движения масс не будут и не могут быть!»¹⁴⁴.

Далее он доказывает, что для мюридизма (после установления Советской власти не осталось почвы. «В этом смысле, — подчеркивает Габиев, — линия на национальных окраинах, взятая РКП(б) и Советской властью, вполне правильна, верна, справедлива и, безусловно, разумна»¹⁴⁵.

Мы видим, что Габиев подвергает религию и ее представителей уничтожающей критике с марксистских позиций. Он не ограничивается критикой ее отдельных сторон, а затрагивает основы религии, ее социальные и классовые корни.

В многочисленных статьях, раскрывающих сущность Советской власти, ее коренное отличие от всех предыдущих властей, Габиев подчеркивает, что Советская власть впервые в истории человечества дала не на словах, а на деле свободу трудящимся, решила земель-

¹⁴³ Там же, № 193, 25 августа 1925 г.

¹⁴⁴ Там же.

¹⁴⁵ Там же.

ный вопрос в пользу крестьян, экономически и политически сделала народ хозяином страны.

Габиев подвергал беспощадной критике представителей буржуазно-националистической и клерикальной верхушки, пытавшихся помешать прогрессивному развитию общества. «Не князья и беки,— пишет он,— не чиновники и офицеры, не лавочники и шейхи с муллами должны строить нашу горскую жизнь, а сам здоровый пробуждающийся народ»¹⁴⁶.

Успехи освобождения и гарантию свободы Габиев видит только в союзе с русским народом, с Советской Россией. Только в единении и дружбе с русским народом, уверяет Габиев, горские народы могут обрести могучую силу и свободу. «Мы держались и держимся... русской ориентации». «Иначе,— пишет он,— мы, горцы, должны погибнуть под натиском железных законов исторической необходимости, огненные колесницы мировых хищников-империалистов задавят наши маленькие народы»¹⁴⁷.

Габиев критикует реакционные силы султанской Турции за постоянное вмешательство их в дела народов Кавказа, за их стремления закабалить свободолюбивых горцев, пользуясь сумятицей в стране и религиозным фанатизмом масс. Ученый призывает не смешивать трудовые турецкие массы с авантюристами и политическими проходимцами, являющимися представителями империалистических реакционных сил. «Я как тогда, так и теперь,— пишет Габиев,— всей душой болею за трудовой турецкий народ, за турецкого крестьянина и до сих пор еще томящегося в цепях деспотического рабства.., Я не против дорогого моему сердцу, как и все другие народы, турецкого народа-крестьяни-

146 Архив Дагобкома КПСС, ф, 2370, оп. 5, ед. хр. 105, л. 246.

147 Там же, л. 247.

на, я против прихода к нам, горцам, только что высвободившимся из царского ярма, турецких янычар, несущих на штыках «своих тот же империализм, то же царское порабощение»¹⁴⁸.

После окончательной победы Советской власти Габиев всецело отдается делу ее строительства и укрепления. Габиев выступает как страстный пропагандист и участник осуществления ленинских идей хозяйственного строительства. «Трудовые массы, взявшие в свои руки власть и устройство страны на новых социалистических справедливых началах, должны показать тем, кто не верит в их жизнеспособность и строительную действительность,— пишет Габиев, разоблачая тех, кто не верил в созидательные способности народных масс,— что они, рабочие и крестьяне, сумевшие с оружием в руках, в потоках своей и вражеской крови, разрушить весь старый строй насилия, умеют также строить и новую, красивую, яркими красками любви, братства и свободы, жизнь правды, жизнь торжества человечности во всем человечестве!»

А для строительства такой жизни «нам, горцам,— пишет далее Габиев, — больше чем кому бы то ни было нужны порядок и мир»¹⁴⁹.

Габиев показал несостоятельность утверждений оппортунистов-предателей, отрицавших возможность построения социализма в горах, где экономика и культура были очень низки, где горцы страдали от малоземелья. Габиев пишет: «Мы сами как революционеры, как ставшие под красный стяг Российской всемирной социальной революции, мы не можем ждать, пока наши народы эволюционным путем будут выходить целыми сотнями лет то из-под гипноза клерикализма,

148 Там же, л. 248.

149 Там же, л. 273.

то из-под национально-шовинистических вожделий и экономических фазисов развития»¹⁵⁰.

Поэтому нет смысла откладывать революцию и социалистическое строительство до того момента, пока стихийно не возникнут в горах промышленность и рабочий класс, пока кто-то и откуда-то не даст земли. «Мы должны,—писал он,— великими усилиями миллионов рабочих и крестьян как можно скорей создать новый мир, новый строй жизни»¹⁵¹. Габиев страстный сторонник практического осуществления всех дел партии, их сознательного претворения в жизнь; нужна ли помощь красноармейцам, идет ли речь о борьбе с голодом или разрухой, о коммунистических Субботниках — он всегда среди самых активных. «Государство,— пишет Габиев,— это наша власть, «наше строительство»¹⁵².

После победы на боевом фронте, пишет Габиев, революция не завершается: впереди немало трудностей и не меньше работы. Поэтому «нужна железная, суровая пролетарским сознанием великая дисциплина; нужен такой же славный, такой же мощный, как и боевой фронт,— фронт труда. Нужно все помыслы, всю силу своей энергии, всю глубину своего коммунистического сознания направить в сторону созидания, восстановления производительных сил»¹⁵³. Он уверен в полной и окончательной победе социализма в нашей стране, понимает, что коммунистические идеи — это единственно верное и могущественное оружие рабочих и эксплуатируемых масс всего мира. Поэтому Габиев пишет:

«Не подлежит никакому сомнению то, что, каковы бы ни оказались этапы борьбы двух столкнувшихся

150 Там же.

151 «Советский Дагестан», № 85, 1920 г.

152 Там же, № 58, 1920 г.

153 Там же, № 85, 1920 г.

не на живот, а на смерть миров — мира трудящихся и мира капитала,— современное человечество русским Октябрем поставлено на рельсы новых классов, взаимоотношений и победы (вопрос лишь времени) социалистического строя жизни над капиталистическим»¹⁵⁴,

Еще в дооктябрьский период Габиев верил в трудящиеся массы, в его созидательные силы, считал самым высоким долгом и целью человека борьбу за счастье трудового народа.

С. И. Габиев не только писал в своих статьях, работах о неизбежности победы социализма над капитализмом, но и принимал самое непосредственное и активное участие в борьбе во имя торжества светлого будущего человечества.

154 Там же, № 122, 1925 г.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мировоззрение Сайда Ибрагимовича Габиева формировалось под влиянием сложных социально-экономических и политических условий, сложившихся в Дагестане после его присоединения к России. Не могло не повлиять на формирование его взглядов проживание в таких городах, как Петербург, Ставрополь, Владикавказ. Именно в Ставрополе он впервые выступает как поэт, ученый и революционный деятель. В Петербурге, где, по его словам, «пульс страны бился интенсивнее», он издает две газеты, где проявляет себя как умелый организатор издательского дела, страстный публицист, смело бичующий господствующий социально-политический строй, непримиримый революционер, решившийся бороться до победного конца с ненавистным народу царским режимом.

Мировоззрение С. И. Габиева претерпело эволюцию, оно совершенствовалось и изменялось под влиянием революционной борьбы и идей марксизма-ленинизма.

В эволюции его мировоззрения можно выделить два основных периода: до и после 1917 года. Безусловно, это деление является условным, ибо переломы в мировоззрении — не мгновенный акт, а продукт более или менее длительного развития. Далее, эти основные периоды можно в свою очередь подразделить на

определенные промежутки между периодами, связанные с теми или иными существенными вехами в его творческой и революционной деятельности.

Поэтому во многих случаях, в частности в данном случае, не оправдано стремление установить точный год перелома взглядов мыслителя. Здесь же следует иметь в виду, что часто мыслители разделяют взгляды определенного направления в идейной борьбе не по всем вопросам, а по основным или группе вопросов.

В первый период деятельности Габиева просветительские воззрения сочетаются с революционно-демократическими идеями. Из опубликованных в этот период его работ вытекает, что философские взгляды Габиева отличаются непоследовательностью, эклектицизмом. Идеалистически решая первую сторону известного вопроса философии, он в то же время признает возможность познания человеком окружающего мира, подчеркивает огромную роль науки в овладении законами природы и общества, призывает не принимать ничего «без рассуждения на веру».

Он был горячим сторонником просвещения, овладения масс науками. Габиев критиковал существовавший общественный строй, требовал проведения реформ «во всех областях жизни», был поборником приобщения масс к русской и мировой культуре.

Эти взгляды шли вразрез с идеологией эксплуататорских классов и мусульманского духовенства, которая безраздельно господствовала в духовной жизни дагестанских народов. Его революционная деятельность объективно была направлена на подрыв устоев существующего строя. Поэтому его просветительские воззрения носили революционный характер.

Во многих своих произведениях Габиев проводит идею необходимости насильственного свержения царского самодержавия, свершения социальной револю-

ции, проповедует идеи социализма. Освободительную борьбу он понимал как антифеодальную и антиколониальную. Освобождение, избавление от эксплуатации он связывал с революционной борьбой великого русского народа.

В начале XX века в Дагестане просветительство, революционный демократизм и социал-демократическая идеология выступали вместе против реакционной феодально-клерикальной идеологии. Хотя Габиев, как и все революционные демократы, не имел еще ясного научного представления о законах классовой борьбы, он горячо приветствовал революцию 1905—1907 гг., принимал в ней активное участие, видя в ней путь к уничтожению самодержавного строя. Еще в этот период деятельности он по многим политическим вопросам стоял на позициях, близких к большевистским.

В начале второго периода происходит дальнейшая ускоренная эволюция его мировоззрения. Габиев постепенно освобождается от влияния народнических иллюзий и левоэсеровских наслоений. Развернувшиеся классовые битвы, бурные события на Северном Кавказе и по всей стране, личное знакомство и совместная революционная, творческая и партийная работа с соратниками В. И. Ленина — Г. К. Орджоникидзе, С. М. Кировым, А. И. Микояном и др. содействовали окончательному перелому его мировоззрения, становлению Габиева на позиции марксизма-ленинизма. С этого времени Габиев посвящает все свои силы и энергию, весь свой талант пропаганде теоретических положений марксизма, укреплению Советской власти в Дагестане.

Статьи Габиева в газете «Революционный горец», редактором которой был он сам, в частности статья «Советский Дагестан», работа «Мюридизм на Кавказе» и др. показывают, что он в своих трудах сложные исторические условия и события жизни горцев Да-

гестана рассматривает с позиций марксистско-ленинской методологии.

Его труды остаются ценным источником, помогающим нашим ученым правильно осветить многие сложные проблемы истории борьбы и духовной культуры горцев Дагестана.

С. И. Габиев, как один из активных руководителей революционного движения в Дагестане и на Северном Кавказе, после победы социалистической революции, в подготовке и проведении которой он принимал непосредственное участие, возглавляет важные участки партийно-советской работы.

После окончательной победы Советской власти С. И. Габиев все силы отдает ее строительству и укреплению. Он является одним из зачинателей в деле подготовки национальных кадров для различных отраслей народного хозяйства Дагестана, огромный вклад внес он в культурную революцию.

Характеризуя личность и высоко оценивал революционную деятельность С. И. Габиева, Г. К. Орджоникидзе писал: «Положительное мнение мое сложилось о тов. Габиеве в самые тяжелые дни Советской власти на Северном Кавказе, когда очень и очень многие т. н. «коммунисты» не только колебались, но и предавали нередко партийных товарищей, тов. Габиев в эти критические дни нашей власти неизменно был с нами, нашим другом»¹⁵⁵.

Благодарные народы Дагестана чтят память Сайда Ибрагимовича Габиева, неутомимого революционера и талантливого ученого, воздают должное как одному из своих лучших сыновей.

155 Журн. «Советский Дагестан», 1966, № 3, стр. 75; См, также Г. К. Орджоникидзе. Статьи и речи, т. 1, М., 1956, стр. 118, 121, 480.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Предисловие	3
Глава I.	Жизненный путь. Формирование С. И. Габиева как ученого и революционера	5
Глава	II. Социально-политические, педагогические и эстетические взгляды С. И. Габиева	31
	Заключение	74

Хасбулатов Хасбулат Муртазалиевич

X 24   **Сайд Габиев.** Махачкала, Дагкнигоиздат,
1972. 80 с.

ЗКП 1(092)

Редактор **Н. Алиева.** Художник **Л. Брузгин.** Худо-
жествен, редактор **Е. Омельченко.** Техн. редактор
М. Тищенко. Корректоры **Н. Шалбузова, С. Темир-**
ханова.

Сдано в набор 16.11.1972 г. Подписано в печать
29.IV.1972 г. Форм. бум. №2 70X108Уз2. Бум. л.
1,25. Печ. л. 2,5. Усл. печ. л. 3,5. Уч.-изд. л. 3,133.
С 03169. Тираж 2000. Цена 6 коп.

Дагестанское книжное издательство Управления
по печати при Совете Министров ДАССР,
Махачкала, ул. Маркова, 55. Зак. № 130.

Типография им. С. М. Кирова Управления по печат-
ти при Совете Министров ДАССР, Махачкала,
Маркова, 51.

Цена 6 коп.

МАХАЧКАЛА 1972